

АЛЕКСЕЙ МУТОВКИН

НУОНИЭЛЬ

1

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

12+

Алексей Мутовкин
Нуониэль. Часть первая

«Автор»

2017

Мутовкин А. Н.

Нуониэль. Часть первая / А. Н. Мутовкин — «Автор», 2017

Опустившийся рыцарь Ломпатри путешествует по отдалённой провинции Троецарствия. С ним немое, раненое существо нуониэль — с виду человек, но на голове вместо волос веточки лиственницы. Рыцарь планирует продать эту тварь и пропить выручку. Судьба забрасывает их в деревушку, где местные жители молят рыцаря вернуть похищенных бандитами детей. Ломпатри нет дела ни до крестьян, ни до бандитов; но вот немой нуониэль, похоже, разбирается в вопросах чести гораздо лучше рыцаря. А поправляется и крепчает он так быстро, что скоро сам сможет продать Ломпатри кому захочет.

© Мутовкин А. Н., 2017

© Автор, 2017

Алексей Мутовкин

Нуониэль. Часть первая

посвящается учителям

Глава 1 «Господин Нуониэль»

Я – нуониэль. Больше о себе я ничего сказать не могу. Я как новорожденный, у которого ещё нет прошлого, но есть настоящее. В настоящем видно безграничное синее небо и ленту облаков. Эта белёсая дымка подобна реке, постоянно меняющей очертания своих берегов. Её воды струятся по невидимым порогам, поднимая бурлящую пену, бросая токи вправо и влево, искривляя русло облачных течений согласно ветрам, властвующим в зыбкой синеве. Я лежу на повозке ногами вперёд. Песочная дорога, испорченная ухабами и кочками, нещадно трясёт мое скрипучее ложе. Зябко. Так пробирает только осенью. Вот чудо! Я помню осень. Видать, я не новорождённый, а лишь проснулся от тревожного забытья. В том сне я потерял нечто особое, что-то жизненно-необходимое. Это нечто столь важное, что без него невозможно существовать.

Как я узнал, что я нуониэль? Понял по разговорам моих спутников. Они называли меня именно так. Их было двое. Один – широкоплечий бородач, стройный и с красивым лицом. Его густую правую бровь делил пополам белый шрам. Носил этот человек красивый пурпурный кафтан, исшитый золотыми узорами. Выглядел он на все пятьдесят, но, когда расправлял плечи, казалось, что до пяти десятков ему ещё очень далеко. В приятных чертах лица читались усталость и душевные терзания. И хоть я не помнил ничего ни из своей жизни, ни из жизни кого-то ещё, я точно мог сказать: такие лица лепит только долгая и нелёгкая дорога. Второй спутник выглядел старше. Ещё год-два и про него можно будет смело сказать – старик. Худошав, с жиденькими усиками и волосами столь редкими, что впору бы назвать его лысым. Он носил холщёвые штаны и рубище, накинутое на спину. Он не надевал его полностью из-за солнца, которое всё ещё грело этот холодеющий осенний мир своими последними лучами. Солнце светило в спину, и я чётко видел на затылке этого старикашки капельки пота. В то же время его кисти покраснели от холодного утреннего воздуха. Из разговора спутников я узнал, что имя широкоплечего бородача – Ломпатри, а прислуживавший ему почти старик звался Воськой. Ломпатри всё делал медленно и аккуратно. Воська вечно суетился, спотыкался, извинялся. Всё у него сыпалось из рук. Когда Воську постигала очередная бытовая неудача, Ломпатри вздыхал, устало прикрывая глаза. Видать, ему уже давно надоело делать слуге замечания. Зато обо мне Ломпатри очень беспокоился. Постоянно справлялся, как я себя чувствую, и неустанно повторял, что мне нельзя разговаривать.

Мы остановились на привал. То, что я не мог произнести ни слова – я понял, когда попытался выговорить имя этого благородного человека. Что-то в горле мешало пошевелить языком. Ломпатри заметил моё волнение и тут же поспешил взять меня за руку, успокаивая и упрощая не произносить ни слова. В этот момент Воська, взявшийся устанавливать красную палатку, споткнулся и рухнул наземь, рассыпав по луговой траве железные пруты. От неожиданного лязга я вздрогнул.

– Холоп, – не сдержался бородач Ломпатри, бубня себе под нос проклятья. – Всю жизнь с тобою мучиться!

Затем этот человек с красивым, усталым лицом снова повернулся ко мне.

– Не беспокойтесь, господин, – сказал он, касаясь моего лба. – Вам ничего не угрожает. Если вы снова всё позабыли – я Ломпатри, рыцарь и владыка провинции Айну. Мой меч и моя жизнь – к вашим услугам.

Рыцарь напоминал мне своё имя каждый раз, когда мы останавливались. Это происходило уже раза три. Возможно и больше, но в моей памяти этого не отложилось. Воська, собрал прутики в кучу и снова споткнулся. Раздалась ещё одна оглушительная россыпь.

– Это Воська, – махая на слугу рукою, сказал Ломпатри. – Чернь.

Потом рыцарь закрыл глаза и опустил голову. Помолчав минуту, он произнёс:

– Эх, моя Илиана! Видела бы ты это болото!

Я снова попытался выговорить «Ломпатри», но язык не слушался, а в горле страшно жгло. Я поднял руку и коснулся шеи. Пальцы нащупали бинты.

– Стрела, – сказал Ломпатри, нежно взяв мою руку. – Пробила вам горло насквозь. Вошла до перьев. Две дырки – одна спереди, другая сзади. Вы ведь не помните, как всё случилось? Не отвечайте.

Когда Воська закончил с красной палаткой, он установил возле неё шест, на вершине которого рдел длинный стяг. Такой видать за версту. На красном полотне гарцевал силуэт белого единорога. Рыцарь Ломпатри долго глядел на гордое сказочное животное.

– Вот и всё, что от рыцаря осталось, – произнёс он тихонько.

Под сумерки они уселись возле костра и принялись есть жареных куропаток, но мне дали лишь испить воды. Ломпатри аккуратно придерживал мою голову, пока Воська по капле поил меня.

– Повезло вам, господин, что вы не человек, – сказал мне рыцарь. – Третьего дня как померли бы. Без еды-то.

– Долго ли, мой господин, нуониэли без пищи могут? – спросил его Воська.

– Сколько-то могут. Я в этих сказочных делах не силен.

Слова «сказочные дела» не разбудили во мне никаких воспоминаний. Только разболелась голова, и я снова стал падать куда-то далеко, в огромную, мрачную бездну. Ломпатри обнял меня и сам стал поить с деревянной плошки, но я уже не мог открыть уст.

– Вы только пейте, господин нуониэль, только пейте.

После этого мир исчез. Не знаю, сколько я блуждал в беспамятстве, но, главное, что со временем я снова вернулся к жизни.

Я много сплю. Просыпаюсь на час-другой, и снова впадаю в беспамятство. Когда мы движемся, очень хочется пить. Даже сквозь забытьё я ощущаю, как всё во мне усыхает. На привалах жажда слабеет. Но сны и видения одинаково сильны и непонятны в дороге и на отдыхе. Я отчётливо помню свой последний сон. Видение было столь ярким и осязаемым, что мне казалось будто бы оно – это моя настоящая жизнь, а всё, что происходило взаправду – игра воображения. Я стоял в огромной зале. Белый свет струился из высоких узких окон, отпечатываясь на каменном полу косыми полосами. Кроме этих косых, холодных лучей, кругом – лишь мрак. Густой мрак, стремящийся сожрать и окна, и каменный пол, и стены, и меня самого. Я понимал, что окружающая тьма хочет схватить льющийся из окон свет, сжать его своими лапами крепко-крепко. Лучи света треснут, потом вовсе сломаются и рухнут осколками на пол, выложенный из немых надгробных плит. И когда я уверовал в то, что это вовсе не сон, а явь – видение закончилось, и я очутился в красной палатке, по которой стучал проливной дождь.

Ломпатри, голый по пояс, сидел на табуретке у входа под навесом. Он глядел в открытое поле, где хлопотал его слуга: Воська шлёпал по лужам, стаскивая пожитки с телеги и пряча их под неё, чтобы не намокли под дождём. Из палатки я увидел, как к нашему лагерю приблизился всадник. Он был одет так же бедно, как и Воська. Всадник быстро спешил и, не мешкая, зашёл в палатку. Озябший от проливного дождя, он стал снимать с себя мокрую одежду и греться у очага, выложенного камнями посередине палатки.

– Это Закич, – сказал мне Ломпатри, поправляя шкуры, под которыми я лежал. – Он наш коневод. Помните, господин нуониэль?

Мокрый до нитки коневод Закич повесил свою куртку и рубаху на шесток у очага и приблизился ко мне. Он легонько коснулся пальцами моей перевязанной шеи.

– Будем менять, – сказал он, глядя на бинты. – Кашля не было?

– Он идёт на поправку, – ответил Ломпатри. – Как там впереди?

– Идёт на поправку, – недовольно повторил Закич. – А впереди ничего хорошего. Пара деревень – обе пусты. Думается мне, что в этом краю наглухо засели разбойники. Вот, раздобыл в одной из деревушек карту здешних мест.

Он достал из кармана своих широких штанов влажный кусок тонкой кожи, перевязанный бечёвкой, и подал его хозяину. Ломпатри, почёсывая бороду, стал разглядывать карту.

Коневод Закич был обычным мужиком, но, на фоне крупного и плечистого рыцаря, выглядел маленьким и неказистым. Молодость его закончилась уже давно, но вот зрелым он, похоже, так и не стал. Он принадлежал к тем людям, которые из молодцов постепенно превращаются в стариков, минуя средние лета. Волосы у него росли жиденько, как и завивающаяся кудрями борода. Глубоко посаженные глаза чаще смотрели не на собеседника, а вниз, при этом брови его чуть ли не смыкались над переносицей, но не оттого, что так посажены, а потому, что Закич почти всё время хмурился.

– Хорошего мало, говорю тебе, – продолжал коневод, вернувшись к огню разбирать свою дорожную сумку. – Есть ещё там на полночь одна деревушка. Но я до неё не пошёл – далеко. Да и боязно. Разбойник – это не по моей части. Схватят меня – кто будет ставить на ноги нашего зверушку?

– Закич! – рявкнул на него Ломпатри.

– Молчу, молчу, – стал извиняться тот. – Только тебе, господин рыцарь, пора бы привыкнуть, что все эти любезности – не про меня. Я своё дело знаю, этим и будь покоен.

– За конями ходить твоё дело, – не отрываясь от изучения карты, сказал рыцарь.

– Да будет тебе известно, господин рыцарь, что кони и люди, ну и зверушка, нуониэль наш – господин нуониэль – по сути одно и то же. Кожа, кости, внутренности всяческие – всё у нас и у коней одинаково работает.

Тут он глянул на меня с некоторым недоумением и продолжил:

– Вроде так должно быть. Только вот выходит, что не так.

Закич подошёл к рыцарю и глянул на карту.

– Что думаешь по поводу этой крепости? – спросил коневод, указав пальцем на маленькую башенку, нарисованную на карте.

– Форт, – ответил Ломпатри. – Граница провинции Дербены. Точнее, граница королевства Вирфалия. И всего Троецарствия.

Закич достал из сумки бинты, жестяные коробочки, ступу и пестик. Из деревянного сундучка, он вытащил кожаный свёрток с медицинскими инструментами.

– Я вот что думаю, – сказал Закич, – У нас Троецарствие, а состоит оно из трёх королевств. Да и правителей мы называем королями, а не царями. Думаю, надо назвать всё Троецарствие.

– Ты думай меньше, – ответил на это Ломпатри. – Гляди, и дело скорее соспорится.

Закич фыркнул и помог мне сесть, подложив за спину гору шкур и остального тряпья, на котором я лежал. Всё вокруг помутнело и поплыло. Звуки стали тише, а слова Закича и Ломпатри некоторое время сложно было различить в нарастающем гуле. Я ощутил, будто проваливаюсь ниже и ниже в огромную пустоту. Затем в нос ударил резкий запах то ли цветов, то ли какой-то травы, и я снова чётко увидел перед собой Закича.

– Не хочу, чтобы ты терял сознание, – услышал я, уже после того, как его губы перестали шевелиться.

Он снова поднёс к моему лицу маленький пузырёк с зелёной жидкостью, и едкий запах трав снова пробрал меня до самых пят. Закич обратился к рыцарю. Тот ответил. Слов я не разобрал. Потом снова заговорил коневод, но первых его слов я тоже не понял.

– Ну ладно короли, – наконец донеслись до меня его слова. – А жрецы? Почему они жрецы? Да и с магами всё как-то странно.

– Других забот у тебя нет, как задавать странные вопросы! – буркнул в ответ рыцарь.

– Видишь ли, господин рыцарь, – говорил Закич, осторожно разматывая бинт на моей шее, – Я, конечно, уважаю и магов и жрецов как умных и даже мудрых представителей нашего мира. И я несколько не умаляю их важности в государственных делах. Однако, верить я привык явным вещам. Маги не предоставляют доказательств того, что где-то есть ещё миры, населённые людьми и прочими существами. А жрецы напротив: предельно чётко обосновали свою позицию относительно уникальности, как нашего мира, так и человека среди прочих существ. Маги говорят: есть другие, равные нам существа, но показать не можем. А жрецы говорят: нету, а если есть, то покажите нам, и мы признаем за вами правду. Конечно человек существо уникальное, но я всё же против праздничных казней сказочных существ. Надо судить людей и других тварей, по поступкам. Вот наш господин нуониэль, к примеру, ничего плохого не делал. Разве что тогда на перекрёстке...

– Перестань трепаться! – обрезал его рыцарь.

Закич осёкся. Но не оттого, что на него рывкнул Ломпатри. Коневод снял последний слой бинта и увидел рану. Я понял это не столько по его лицу – всё было как в тумане – сколько по холодку, пробежавшему по горлу в грудь. Приблизился Ломпатри.

– Отойди! – скомандовал Закич. – И убери отсюда эту грязную карту!

– Что там? – робко спросил рыцарь, делая шаг назад. – Мертвянка?

– Сколько я? Три дня назад ушёл? Думал тогда, что вы его без меня схоронить успеете.

Закич швырнул старый бинт на пол и стал ходить взад-вперёд, заложив руки за спину.

– Мертвянка! – бубнил он. – В чистых палатах, без заразы, с должным уходом раны бы уже начали стягиваться. Неделя! Неделя – это срок. Хоть каплю, но начали бы. Загрубели! Почему в дороге не кровоточат? Должны, а не кровоточат. И мертвянка пошла бы.

Он присел у костра и стал водить руками над углями так, что языки пламени полностью съедали кисти. Затем коневод метнулся ко мне и стал обрабатывать рану.

– Крови нет, заразы нет, но рана не заживает, – сказал Закич. – Ну ничего.

Он достал из-за пазухи свёрток и стал аккуратно разворачивать его.

– В пути собрал, – с улыбкой рассказывал он. – Синий вереск. Много его тут в долине. Ночью хорошо собирать. Огонь факела его зело выхватывает из потёмков. Сейчас ночью хорошо! Пока Луны нет.

– Ну ты про Луну полегче. Помалкивай.

Закич положил веточки в ступку, плеснул туда же маслянистой жидкости из бутылочки и стал работать пестиком.

– Станный мы народ в Троецарствии; в проклятье Гранёной Луны верим, а в богов не очень.

– Может, оттого, что боги не появляются на небосводе каждый год? – спросил Ломпатри.

– Что вижу, в то и верю, чего не вижу – того и нет! Прекрасно! Знаешь, после случая на перекрёстке, господин рыцарь, ты сильно изменился – сказал Закич, с ноткой презрения.

Он говорил, что-то ещё, но я уже не различал слов. В глазах мутнело. Рыцарь, огонь и белые полосы бинтов улетали во тьму. Звуки стихали. Перед тем как окончательно потерять сознание, я услышал голос Закича:

– Сейчас может немного жечь.

Затем он наложил бинт, пропитанный синим вереском и в мою шею будто вошла огромная железная игла, ледяная и пылающая одновременно. Боль лишила меня чувств.

Во мраке я увидел очертания башни из чёрного камня. Я в стране, окутанной мраком. Я хочу кого-то увидеть. Кого-то мёртвого. Мне это необходимо, чтобы снова стало тепло и светло. Меня сильно откинуло куда-то назад, и я открыл глаза.

Передо мною раскинулось небо – знакомое серое небо. Знакомая осень. Повозка так же тряслась по избитому волоку. Рыцарь, палатка, синий вереск – всё это прошло со мною через страну грёз и не исчезло, чего нельзя было сказать о моей остальной жизни, всё ещё остававшейся загадкой. Появился Воська. Увидев, что я очнулся, он заулыбался и помог мне сесть. Он откупорил бурдюк и дал мне испить воды.

– Господин нуониэль, вам необходимо больше пить, – сказал слуга детским голоском. – Господин коневод Закич сказал так.

В тот момент было хорошо. Боль ушла, а мир стоял на месте: он не крутился, как раньше и не исчезал, сменяясь тьмой забвения. Моё тело вернулось ко мне. Носом я ощутил холод утреннего воздуха. Озябшие пальцы ног почувствовали сырость, а спина – удары деревянной повозки, прыгающей по кочкам. Я шёл на поправку. Может быть, синий вереск помог?

Воська спрыгнул с повозки и, не спеша, пошёл рядом: повозка двигалась медленно. Слуга плеснул из бурдюка чутки воды в лоханку. Зачерпнув оттуда, он обмочил себе лицо. Потом вытащил из-за пояса нож и поскоблил пальцем по острию. Увидев, что я наблюдаю за ним, Воська снова заулыбался.

– Бриться, – объяснил он, показывая на нож. – Всё должно быть в порядке. Кираса в порядке, тележка в порядке, Воська в порядке. В телеге трясёт, и я боюсь обрезать. А так – пешком – всё будет в порядке.

«Сколько хлопот, – подумал я тогда. – Почему же он не брился утром, когда только встал?»

– Утром я не могу бриться, – продолжил Воська, – кто-то ведь должен коней запрягать, палатку собирать. Такой порядок. Ну да! Как вам знать! Вы же господин. У вас тоже слуги есть – сразу видно. Вы сам не слуга, оттого и не знаете, когда подневольному человеку просыпаться срок. Сначала встал – господина в день ввёл, а потом и сам просыпайся. Вам неведомо. Вы знатный господин. Много слуг. Но вы хороший господин. Не из тех. Вообще есть разные господа: одни стыдятся того, что они господа, а другие считают, что слуги должны стыдиться того, что они слуги. Вы из первых. Если хотите, я и вас побрею.

Озарённый улыбкой он посмотрел на меня, как бы оценивая объём требуемого бритья. Тут его как током ударило. Он помрачнел, отвернулся и стал дальше скоблить свою морщинистую щёку. Я пошевелил рукой: пальцы слушались. Я пощупал подбородок. Вместо недельной щетины, пальцы коснулись чего-то мягкого, похожего на гладкую шерсть, но только толстую и холодную, хрупкую и шуршащую. Я сжал пальцами одну «шерстинку» и оторвал её. Посмотрев на то, что оказалось у меня в руке, я испытал странное чувство. Это была маленькая травинка, зелёная, но уже теряющая соки, вот-вот готовая стать жёлтой и безжизненной, как полевые травы в конце месяца листооя. Мне стало тревожно оттого, что эта трава, росшая на моём подбородке вместо бороды, не вызвала у меня никаких воспоминаний. Я посмотрел на Воську и его грязные локоны, жидко-спадающие на худые плечи. Над своим лбом я нащупал нечто более твёрдое и толстое. Потянув это вперёд, я увидел, что держу в руках веточку листовенницы. Тонкая ветвь с нежными, чуть пожелтевшими иголочками. Над ушами и на затылке, вместо волос, как у старого Воськи, я нащупал такие же веточки, росшие вплотную друг к другу. Веточки оказались нежными и чересчур мягкими для обычных древесных веток. Я мог с лёгкостью запустить в них пальцы.

Воська снова посмотрел на меня, отложив свой утренний туалет.

– Отдыхайте, господин нуониэль, – с опаской сказал он. – Всё будет в порядке!

Так я и узнал, что нуониэлями называют существ, у которых вместо волос на голове растут веточки деревьев. Если ты не помнишь сам себя, то либо тебя здорово тюкнули по голове, либо ты был такой отъявленной дрянью, что твой разум отказывается вспоминать прошлое, предлагая начать всё сызнова.

Я сидел среди мешков, шкур и прочего походного хлама, пытаюсь понять, не могу я вспомнить былого или не хочу. Воська, должно быть, решил, что я ищу свои пожитки. Он вытер бритое лицо, запрыгнул на телегу и подвинул ко мне тяжёлый сундук, к низу которого были прибиты два небольших колеса и две длинные рукояти. Скорее всего, он предназначался для того, чтобы его катили перед собой как садовую тачку.

– Ваше добро, – сказал Воська. – Всё сохранено в особливом порядке. Желаете осмотреть?

Я медленно кивнул. Воська повернул щеколду на крышке и отворил сундук.

– Здесь у нас запасной плащ, – сказал он, доставая перетянутый тесьмой тёмно-зелёный кулёк. – Стираный. Есть обмотки для ног. Вот накидка из лисьей шкуры. И ещё несколько кульков с сушёными травами.

Он подал мне один из них. Я развязал его и пощупал сухие листья. Эта потемневшая труха не имела запаха и легко рассыпалась вокруг, подхваченная степным ветром. Завернув траву, я отдал её Воське. Слуга снова запустил руку в сундук.

– Вот несколько пустых бутылочек, размером не более пальца. А вот

это для письма, – деловито сказал он, достав коробочку с расщеплёнными тростинками и грязную чёрную бутылку с тушью. – Всё сохранено и содержится в порядке. Можете быть спокойны!

Он закрыл сундук и отрыл из-под шкур большой берестяной футляр. К футляру был приделан ремень: вероятно, столь большую вещь предполагалось носить за спиной. Воська снял крышку с футляра и подтащил его ко мне, чтобы я сам достал оттуда свои вещи. Внутри я обнаружил берестяные и папирусные свёртки. Я аккуратно вытащил один из них и развернул. Лист полнился неясными знаками. Эти символы, сложенные из нескольких пересечённых линий, походили на маленькие чёрные звёздочки. Я вглядывался в текст, но не понимал смысла знаков. Мысль, что писал это скорее всего я, тяжело отзывалась в моей душе тоской. Я достал папирус побольше. Это была карта. Береговые линии, поселения, реки, горы, леса и болота, детально отмеченные пунктирные линии дорог. Карта показалась мне если и не знакомой, то какой-то родной.

Я долго сидел, глядя на карту и пытаюсь хоть что-нибудь вспомнить. Сердце застучало сильнее, а голову вновь пронзила нестерпимая боль. Руки одолела дрожь, а в глазах стало мутнеть. Воська, заметив, что меня сильно укачивает, аккуратно забрал у меня папирусы, свернул их и спрятал в берестяной футляр. В этот миг жёлтая берёста показалась мне очень знакомой – будто я видел её раньше. Снова нахлынуло волнение. Я потерял сознание, а когда очнулся, мы уже не двигались. Теперь я лежал на шкурах возле валуна, а Ломпатри стоял рядом и откупоривал бурдюк, чтобы дать мне воды.

– Что ты сделал? – кричал он на Воську.

Слуга бегал вокруг телеги, размахивал руками и пытался оправдаться, рассказывая, что просто показывал мне вещи.

– Подземные твари! – выругался Ломпатри. – Скачи немедленно вперёд к Закичу; пускай возвращается. Нет! Сначала поставь палатку: положим его туда.

Воська скинул с телеги тюк с палаткой и, спотыкаясь, падая, ругаясь, занялся делом.

– Что ты ему показывал?

– Всё, – ответил Воська, встав как вкопанный.

– Как всё?

– Сначала плащ, потом пустые бутылочки, потом карты, – сказал слуга, подойдя к телеге.

Рыцарь нависал над Воськой, как штормовая волна над берегом. Слуга ёжился и виновато опускал глаза. В моменты, когда Ломпатри гневался, его красивое лицо искажала лютейшая гримаса. А гневался он всё чаще. И чем дальше мы ехали, тем реже лицо благородного рыцаря казалось мне красивым.

– Палатка! – заорал на него Ломпатри.

От этого крика Воська подпрыгнул, попятился, споткнулся и бухнулся на пятую точку. Ещё больше испугавшись, он пополз на четвереньках к брезенту и стал спешно расправлять его на траве. Ломпатри дал мне воды. Я закрыл глаза и постарался дышать ровно. Сердце успокоилось. Открыв глаза, я взял рыцаря за руку, чтобы он не переживал за меня. Ломпатри перевёл дух, и сам отпил из бурдюка. Он запрыгнул на телегу и сел на сундук.

– Знаете, господин нуониэль, – начал он, – может, о прошлом лучше не вспоминать? Раз судьба занесла нас в эту холодную долину, видать не всё-то у нас в жизни гладко шло. Я владел замком, собирал десятину с трёх деревень, а телеги с бочонками тянулись от моих виноградников до замков королей Варалусии, Вирфалии родной моей Атарии и даже за Сарварское море. Я командовал войском! Да, я гремел! У меня было всё, а сейчас я сижу на гнилой телеге и ругаю своего последнего слугу. Настоящий странствующий рыцарь без кола и двора! Хотя, какой я теперь рыцарь? Видите, господин нуониэль, думы о прошлом, даже о самом прекрасном, не приводят ни к чему хорошему. Лучше уж жить сегодняшним днём.

Он спрыгнул с телеги и зевнул.

– Мне ещё повезло, – сказал Ломпатри бодро, – у меня есть коневод! Простолодин, меня не уважает, но всё лучше, чем ничего. Будет монета, найму порядочного. Сына какого-нибудь жреца! А что? Эти скромные, воспитанные. Знают, что такое уважение и в травах разбираются.

Рыцарь резко окликнул своего слугу:

– Воська! Ну что ты там копаешься?

– Сейчас всё будет в порядке, господин, – отвечал Воська, гремя железными кольшкками.

– Отдыхайте, господин нуониэль, – коснувшись моего плеча, сказал Ломпатри. – И не думайте о прошлом. Там мало светлого.

Слова Ломпатри доносились до меня откуда-то издаleка. Голова кружилась и болела. Мне казалось, что меня мотают из стороны в сторону гигантские, невидимые волны: перед глазами всё вертелось и плыло. Но мыслил я чётко и значения слов рыцаря понимал лучше, чем он сам. В памяти этого озлобленного на мир и судьбу человека были сведения и о моей жизни. Пусть он знал немного, но для голодного и крупинка – снeдь.

Он уже собирался отойти от меня, но я успел схватить его за руку. Рыцарь посмотрел на меня.

– Чем я могу помочь, господин? – строго спросил он. Я почувствовал, что он сильно напрягся. Я кивнул.

– Мне что-то сделать? – снова спросил рыцарь. – Я не понимаю.

По-видимому, он хотел уйти, но я твёрдо держал его за руку. Я даже не пытался заговорить; всё, что я мог – слегка кивнуть или же мотнуть головой.

Воська кинул на землю железные кольшкки и подошёл к нам.

– Он хочет, чтобы вы помогли ему, – сказал слуга.

– Без тебя вижу, – прорычал Ломпатри.

– Господин нуониэль, – обратился ко мне Воська, – попробуйте показать нам.

Я стал водить в воздухе другой рукой, касаясь то Ломпатри, то себя, указывая на сундук и карты.

– Вы хотите, чтобы мы показали вам остальное? – ласково спросил Воська, будто бы я несмышлёный ребёнок, а он взрослый.

Я кивнул.

Воська забрался на телегу и так же суетливо, как расставлял палатку, начал рыться в вещах.

– Плащ был. Тут шкуры. Карты тоже показал. Яблоки вообще не то.

Ломпатри молча и неподвижно наблюдал за слугой. Я посмотрел рыцарю прямо в глаза, но он сделал вид, что не замечает моего взгляда. Мне сильно нездоровилось, но даже в таком тяжёлом состоянии я смог различить беспокойство на лице рыцаря.

– Вот! – победоносно вскрикнул слуга. – Нашёл.

Воська спрыгнул с телеги и подошёл к нам. В руках у него был длинный свёрток из грязной тряпки, перехваченный в трёх местах бечёвкой.

– Ваш меч, – сказал Воська, подавая мне свёрток. – Ножны... Не было ножен. Тряпочка была. Я только верёвочкой обвязал. Дойдём до людей, купим кожи – сошью вам ножны.

«У нуониэлей ножны из бересты», – пронеслось у меня в голове.

– Кожаные подойдут? – спросил Воська.

Касаясь руки Ломпатри, я почувствовал, как кровь в нём стала бежать быстрее. Может быть, он опасался, что я что-нибудь вспомню? Я снова посмотрел ему в глаза.

– Подойдут кожаные? – спросил меня Ломпатри.

Ножны из бересты... Странные воспоминания. Он и не знает, что подойдут только берестяные! Я кивнул; пришлось согласиться с тем, что предлагают.

– Слава всемогущим! – вздохнул Ломпатри и погладил меня по руке.

Я же взял меч и стал его рассматривать. Мягкая и крепкая рукоять была обвязана тёмной кожаной лентой. На самом конце рукояти сиял красный лал похожий на миниатюрную гору или скалу. Сама поверхность прозрачна как вода, но в глубине камень горел красным.

– Похоже на кубик льда, который лежит на тёртой красной смородине, – с улыбкой сказал Воська, тоже рассматривая камень.

Ломпатри схватил Воську за руку и отдёрнул прочь. Слуга еле устоял на ногах. Он злобно глянул на своего господина и стал потирать руку, которая теперь сильно болела.

– Готовь палатку, холоп, – рявкнул Ломпатри.

– Да, господин, – угрюмо ответил Воська.

– Да прежде ножен позаботься о ремешках на мою кирасу. Быть делу – а облачиться не во что.

Моя новая жизнь оказалась запутанной. Я, как новорожденный, глядел по сторонам и не понимал, где нахожусь, что делают люди вокруг меня. Почему в моей памяти всплыли берестяные ножны, а прекрасный камень, равных которому ещё поискать, не напомнил мне ничего? Почему сны, лишённые смысла, кажутся яснее того, что окружает меня в действительности? Что произошло на упомянутом Закичем перекрёстке? Почему мои спутники пытаются сохранить мне жизнь, но опасаются моего прошлого? Почему сказочных существ надо казнить? Являются ли нуониэли достаточно сказочными? Куда эти люди меня везут? И почему я нуониэль?

Глава 2 «Скол Йоки и Лорни»

Паренёк бежал по лесу сломя голову. Он спотыкался о корни, терял равновесие, налетал на деревья, продираясь сквозь заросли бузины. Юношу звали Лорни, и случилось это за десять лет до того, как на здешних дорогах появилась скрипучая телега рыцаря Ломпатри с полуживым нуониэлем.

Бегущий по лесу человек в здешних краях – большая редкость. И действительно, провинция Дербены – спокойное место: не случалось здесь в давнодавние времена великих сражений, не рождались тут ни богатыри, ни злодеи. Даже прекрасных дам никто не умыкал. Эритания – огромный мир, и заберись ты в самый отдалённый уголок – сыщешь подобных историй с похищением принцесс, королевен и прочих красавиц с три короба. Остановишься, бывает, на ночлег в компании охотников, где-нибудь на северных равнинах Симпегалиса, спросишь,

что это за башня из чёрного камня виднеется на холме. А охотники в ответ целую легенду расскажут. Причём именно о похищении некоей прекрасной девы. Рассказывать будут долго, во всех подробностях, и каждый из них гордо вставит в общее повествование своё собственное замечание, незначительную деталь, без которой, впрочем, подобные легенды не были бы столь очаровательными. Особенно ночью под открытым небом у потрескивающего костерка. А если сдосужиться побывать далеко на юге, по другую сторону Найноэльского моря, то там, на зелёных холмах Айседолиса, у костра повстречаются уже не вольные охотники, а пастухи. Но и с ними, на привале можно услышать историю похищения принцессы злым чародеем. И всё, о чём пойдёт речь, будет происходить именно в тех краях, а каждый из пастухов с лёгкостью укажет дорогу к развалинам старого замка, где жила принцесса и прикинет, сколько туда дней пути.

А вот в королевстве Вирфалия старца, знающего легенду о похищении, надо уже поискать. И если найдётся такой, то речь он поведёт не о своей земле, а о некоем тридевятом царстве: ведь в Вирфалии своих забот полон рот, и на сказки времени совсем не остаётся. Шаткий мир с соседними Варалусией и Атарией зиждился лишь на потрескавшемся сургуче печатей трёх королей. Жрецы рьяно насаждали новые верования и пылко искореняли вольнодумство, вешая на площадях любого, подозреваемого в колдовстве. А если крестьяне какого низкорослого человека сочтут гномом – сдадут королевской страже за серебряник. Гнома повесят прилюдно в тот же день, а серебряник незамедлительно будет пропит в ближайшем трактире, за упокой души маленького человека. Но в большинстве случаев простому народу было не до гномов, не до колдунов, не до сказок и даже не до богов. Жизнь в Троецарствии кипела, и кипела она кровью, которую больше прочих проливали самые бедные и самые низкородные люди. Летописцы Вирфалии, Варалусии и Атарии утопали в работе: где междоусобица, где бандитский набег, где пожар. И всё надо описать – кто, кого и за что. А затем отправить летопись в архив, куда очень часто наведывались благородные господа, чтобы сыскать повод для очередной войны.

Что до провинции Дербены, находившейся на севере Вирфалии, то она напротив выпадала из общего ритма. На события провинция была столь бедна, что любой бегущий по старому Стольному Волоку юноша мог вызвать в местных деревнях неслыханный ажиотаж и тревогу. Юноша Лорни бежал, конечно же, не по Волоку, а в густом лесу. Увидели бы его жители близлежащего селения – толков родилось бы на месяц. А если самому Лорни сказать, что через десять минут произойдёт событие, которое повлияет на жизнь каждого в провинции Дербены, изменит её облик на многие века, заставит всех картографов мира переделывать карты, а пастухов и охотников позабыть истории о похищениях принцесс – он бы лишь отмахнулся и поспешил дальше за своим другом Йоки.

Йоки ушёл из дому шестого дня, и куда направился – одним богам известно. Но так как в Троецарствии с верой в богов туго, паренька стали искать самостоятельно, не уповая на высшие силы. Куда же можно направиться в Дербенах? Здесь куда ни глянь – всё одно: поля, плакун-трава и еловые рощи. Скукота! И разницы, в каком направлении двигаться, особой нет. Может быть, от этой дербенской скуки Йоки и стал мечтателем. Жил он в своём мире, говорил сам с собою, занимался дни напролёт чем-то, понятным лишь ему одному. Мать – старая женщина, ослабленная постоянными болезнями, давно перестала просить сына выполнить хоть какую-то работу по дому. А соседи промеж себя прозвали Йоки дурачком и относились к нему снисходительно. Когда мать-старуха побежала с криками по деревне, все шибко удивились. Привыкшая к тусветности сына мать обычно молчала и не выносила своего горя из избы. Тут же её как прорвало: плачь, крики о помощи и сердечная тревога. Видно, душою она почувствовала, что на этот раз Йоки действительно в настоящей беде, и сам ни за что не выпутается из истории, в которую попал то ли по глупости, то ли по простодушию.

Деревенские разделились на группы и принялись прочёсывать окрестности, заглядывая под каждый камень. К ночи по всей округе светлячками танцевали факелы. Искали местного

умалишённого до рассвета. Затем разошлись по домам. Отдохнув от ночных поисков, юный Лорни взял бурдюк с водой, две буханки хлеба и сообщил отцу, что снова отправляется искать друга. Отец, человек старых принципов, ничего не сказал сыну. Не проронив ни слова, он вытащил из сундука кожаные сапоги с блестящими брошками и показал спрятанный в голенище маленький кинжал. Лорни поменял потёртые мальчишеские лапти на мужскую обувь, обнял отца и отправился в путь. О чём молчал отец Лорни, паренёку прямо высказал звездочет Мирафим. У него Лорни обучался грамоте, алхимии и, как говорил сам Мирафим, прочему Учению. Звездочета Лорни повстречал на выходе из деревни.

– Как же занятия, молодой человек? – прокричал эксцентричный старик, видя, как юнец, сдвинув брови, чтобы казаться серьёзнее, широко шагает через канаву. – Вернётся ваш полоумный. Никуда не денется. А время летит. Не успеешь оглянуться – с бородой будешь. Усохнет голова, придёт осень в сердце – ни одно семя не взойдёт.

Старик ещё долго кричал о пользе своевременного просвещения, но Лорни просто шёл вперёд, не обращая внимания на учителя. Молодой человек сам не мог ответить, почему должен, во что бы то ни стало, найти Йоки. Одного чувства дружбы было недостаточно для того, чтобы объяснить стремление разыскать односельчанина. Если бы пропал сам Лорни, вряд ли бы чудаковатый Йоки отправился на поиски товарища. Шагая по равнине, промокший по пояс в сырой плакун-траве, Лорни думал совсем не о том, куда мог отправиться Йоки, а о том, как будет расспрашивать его при встрече. Сначала Лорни накинется на него с укорами и, может быть, даже поколотит. Затем, расскажет, как вся деревня ищет его уже который день. И под конец, как бы невзначай, заметит, что ему, мол, тоже хочется взять и уйти куда-нибудь, никому не сказав ни слова. Лорни также придумал и вопрос, который он задаст, не другу Йоки, а самому себе, но вслух: «Интересно, будут искать?» После этого Лорни задумал, что выдержит долгую паузу. Тут Йоки и мог бы сказать, что сам он точно отправился бы на поиски. А мог бы и смолчать.

Лорни так и скитался бы по равнинам до тех пор, пока не кончился бы взятый с собой хлеб, но ему повстречались охотники. Они видели прошлым днём «придурковатого мальчика», несущегося сломя голову на север. Лорни пошёл к тем местам, где охотники наткнулись на Йоки, и очень быстро отыскал след друга. Высокая полевая трава, тяжёлая и сочная, широкой полосой клонилась к земле, причём примята она была не в одну сторону: Йоки имел привычку хлестать траву палкой, когда ходил по полям. Он сражался с ней, как с лютым врагом. Такой след нашёл бы и ребёнок.

Заночевал Лорни прямо в поле. Раз в год они с отцом ходили в городишко Дербер сбывать кожу – дорога занимала пять дней. От отца Лорни перенял, как располагаться на ночлег в высокой траве. Он собрал высокую траву в пучок, завязал макушку и примял к земле. Получилась невысокая стеночка. Затем, Лорни сделал ещё несколько таких стеночек друг напротив друга. Потом, он связал макушки воедино и получился низкий и узенький шалаш, куда он смог вползти и спокойно переночевать. Последовал ещё один день пути и очередная ночь в чистом поле, а к полудню третьего дня пути он вышел на дорогу. Это была, как говорили местные, «Большая дорога» – волок, лежащий через всю провинцию Дербены. Тот самый Стольный Волок, тянущийся через всё Троецарствие. Он шёл от стольного града Вирфалийского царства до форта «Врата», находящегося далеко на северо-западе, в горах, отделяющих эту приграничную провинцию от Сивых Верещатников. Никто из деревни Лорни не бывал в тех далёких краях. Говорили, что там лютые холода, бесчинствуют разбойники, и совсем не растут деревья.

Лорни перешёл дорогу и поспешил дальше вслед за Йоки. К вечеру паренёк из деревни Степки вышел к Ельновкам – густому лесу богатому пушниной и грибами. Тут он встретил смолокуров, которые, как выяснилось после непродолжительного разговора, видели Йоки ещё утром. Оказалось, беглец упорно шёл на север через лес. Лорни хотел было двинуться дальше, но мужики убедили его переждать ночь. По словам смолокуров, восточнее их стоянки

в лесу начинался каменистый овраг, секущий Ельновки добрых десять, а то и двенадцать вёрст. Мужики посоветовали идти по оврагу, а не по мшистому бору. И если Йоки не сворачивал со своего северного направления, то, как считали смолокуры, догнать его можно будет уже к завтрашнему вечеру.

Проснувшись задолго до рассвета, Лорни смастерил себе факел, затеплил его от горевшей вовсю нодьи и двинулся в путь. Паренёк очень скоро отыскал овраг и проворным шагом пустился вперёд по белым, круглым булыжникам. Около полудня он решил встать на привал. Лорни поднялся из оврага в лес, но только он собрался скинуть дорожную сумку, как на глаза ему попался сломанный куст иван-чая. Юный следопыт огляделся и заметил прибитый к земле репей. Растение загубили недавно: цветки ещё не успели увянуть. Не останавливаясь, Лорни продолжил путь, однако ещё до обеда он выбился из сил. Не в состоянии продолжать погоню, паренёк из Степков заложил костёр, сделал шалаш из еловых веток, напился из ручья и съел половину последней буханки хлеба. Остаток дня Лорни пролежал на мхе, клюя чернику и бруснику. Было тепло и сухо, ветер качал верхушки елей, но внизу, у самой земли, воздух не двигался, и пахло хвоей. Солнечные лучи мягко играли в дыме костра. Паренёк вспомнил, как звездочёт много и неинтересно рассказывал об этих самых солнечных лучах, писал о них книгу и постоянно размышлял об их природе. Глядеть на них вот так, лёжа под соснами, на воле, оказалось куда приятнее, чем познавать их суть, сидя среди тусклых огоньков жировых лампадок. Лорни припомнил все свои прошлые отлучки из дома. Выходило, что так долго он ещё не путешествовал самостоятельно. Внутри вдруг возникло ощущение своего совершенства и победы над природой. Жизнь в тот момент казалась великолепной.

На Ельновки опустилась ночь. К этому времени Лорни отдохнул, набрал поблизости грибов и устроил себе пир у костра. Йоки был слабее его и тоже не мог без привала. Юный следопыт верил, что завтра обязательно настигнет своего друга ещё до полудня.

Проснулся Лорни от навязчивого гомона птиц. Щебетать птахи занялись часов с четырёх, когда в затухающем костре ещё виднелись язычки пламени, а травы покрывались росой. Потирая озябшие руки, Лорни сел у костра и смочил рот остатками воды. Он доел копчёные грибы, насаженные вечером на палочки и подвешенные над углями. Когда сонливость ушла, Лорни понял, что, несмотря на пение невидимых птиц, вокруг стояла исключительная тишина. Иволги, соловьи и скворцы наперебой вещали на всю округу, но голоса их были частью тишины лесов. Той самой тишины, в которой нет ничего лишнего, нет суеты и тревожностей больших дорог, блеяния скотины и воплей деревенских сорванцов. Здесь были только птицы и ветер, нащёптывающий макушками деревьев своё тысячелетнее заклетье жизни и изменения.

Внезапно юный следопыт услышал далеко впереди треск сучков. У Лорни не возникло сомнений – это его друг.

– Йо-оки! – крикнул Лорни и замер. Треск сучков прекратился, но через некоторое время кто-то там впереди снова наступил на сухую ветку.

– Это он, – сказал сам себе Лорни и побежал со всех ног.

Иногда он останавливался и прислушивался. Раз за разом за деревьями раздавался треск, будто бы зверь или человек спешно рвался вперёд. Лорни настигал свою цель. Паренёк звал своего друга, аукал, уворачивался от колючих веток. В какой-то момент, ловко перепрыгивая буреломом, он подумал, что довольно лихо бежит по такой густой чаше. Не успела тщеславная улыбка сойти с его лица, как следопыт споткнулся и рухнул в густой мох. Мгновение Лорни лежал, уткнувшись носом в зелень. Потом, пытаясь встать, заметил, как за ним с земли из-под мха поднимается странная коряга. Эта коряга одним концом уходила в землю, а другим пронзала его плечо. Сучок медленно вышел из-под кожи, оставив после себя рваную рану и ужасное жжение.

Лорни издал жалостный стон. Сквозь дыру на рукаве он увидел, как глубокая рана быстро наполняется кровью. Лорни прижал рану кулаком, отполз к ели и прислонился спиной к стволу. Кровь сочилась сквозь сжатые пальцы.

«Глубоко», – подумал паренёк. И тут ему показалось, что мир вокруг стал совсем не таким, как до ранения: всё будто вымерло. Облака исчезли, но солнце не сияло. Ветер стих, но макушки деревьев продолжали бесшумно покачиваться. Казалось, надвигалась большая гроза, однако воздух оставался свежим и лёгким, а птицы, которые обычно страшатся грядущих раскатов грома и затихают перед непогодой, теперь пели, как ни в чём не бывало.

«Вот оно, – пронеслось в голове Лорни. – Ухожу в мир иной. Всё другое. Всё в ином свете. Тускнеет. Как же тебя звали, бог смерти? Не помню. Что же ты, бог, медлишь? Начинай плести свои белые нити».

Лорни зажмурился, а потом резко открыл глаза. Но белых нитей, которые обычно видятся умирающим, перед глазами не оказалось. Похоже, бог смерти обиделся на то, что его имя позабыли.

Совсем близко послышались шаги. Лорни в ужасе обернулся и увидел, как чья-то рука хватается его за раненое плечо. От боли в глазах потемнело. Он издал протяжный крик, а когда пришёл в себя, увидел перед собою Йоки.

– Я ничего не знаю! – глядя бешеными глазами, сказал Йоки и стал отрывать кусок своего потрёпанного плаща.

– Подземные твари! – застонал Лорни. – Йоки, это ты.

Но Йоки схватил его за здоровое плечо, подтянул к себе и, глядя в глаза, прошептал:

– Я ничего не знаю!

– Что? – непонимающе закричал Лорни. – Я упал, Йоки. Теперь я умру.

– Не умрёшь! Мора не заберёт тебя.

– Мора? – удивился Лорни.

– Богиня смерти, – ответил Йоки.

Лорни с опаской посмотрел в глаза друга. Йоки не заметил этого взгляда, он отпустил своего преследователя и стал дальше отрывать кусок грязного плаща.

– Повторяй за мной, – говорил он, совершая непонятные действия с оторванным куском ткани и маленькими мешочками из своей дорожной сумки. – Я ничего не знаю.

– Куда ты подевался? Тебя вся деревня ищет.

Йоки достал маленький ножик и отрезал рукав, скрывавший рану. Затем блудный сын Степков извлёк из подорожной сумки небольшую деревянную шкатулку, стеклянный пузырёк и кусок льняной ткани. Он открыл бутылочку с прозрачной жидкостью, приложил к губам, а затем выпрыснул жидкость изо рта на рану. Льняной тканью он обтёр кожу вокруг. Теперь на белой руке Лорни зияла глубокая дыра, из которой медленно сочилась тёплая кровь. Йоки открыл шкатулку, где лежали цветки синего вереска. Лекарь выпотрошил всё на руку, а затем отправил растения в рот. Он старательно пережёвывал цветки, при этом издавая громкое чавканье.

– Фы нифефо не фнаеф, – вышло у него, когда Йоки попытался что-то сказать своему другу.

Лорни был готов заплакать от отчаяния. А Йоки сплюнул синюю кашу в ладонь и резко приложил её к ране. Лорни заорал, а деревенский дурачок, не обращая на это внимания, оторвал от своего плаща длинный кусок материи и начал перевязку.

– Повторяй: «я ничего не знаю», – зарычал Йоки, как одержимый.

– Хорошо, – поддался обессилевший Лорни. – Я ничего не знаю.

Йоки злорадно усмехнулся и затянул последний узел на повязке.

– И звездочёт ничего не знает, – сказал он.

– Йоки, – взмолился его друг, – пойдём домой, твоя мать с ума сходит.

Но не успел Лорни закончить, как Йоки поднял его на ноги и потащил за собою.

– Нет времени, – тараторил он, – Просто молчи и иди за Йоки. Нет. Не молчи. Сначала признай, что твой звездочёт ничего не знает.

Лорни еле успел схватить раненой рукой свою подорожную сумку и уже на бегу признал несостоятельность своего учителя звездочёта. На самом деле верный ученик считал Мирафима самым прозорливым и мудрым человеком во всей Вирфалии. Конечно, Лорни никогда не был ни в одной из других провинций, королевства, но это не мешало ему почитать и возносить того, кто добровольно передавал ему свои знания.

Йоки тянул друга вперёд сквозь чашу. По лицу Лорни хлестали загнутые идущим впереди полоумным односельчанином еловые лапы. От грязного, драного плаща Йоки, утыканного засаленными ястребиными перьями несло дорогой, костром и потом.

– Никто Йоки не верил, – захлёбываясь от радости и еле дыша, говорил дурачок. – А всё случилось! Что ты мог знать? А твой звездочёт? Тоже мне – учитель! Чему он тебя учил? Глупостям. Забыли богов, забыли духов, забыли чудовищ. Йоки называли сумасшедшим, но теперь, когда правда открылась, с ним будут говорить не как с ребёнком. Всё это выдумки и ложь! Если бы этих деревьев здесь не было, ты бы понял, о чём Йоки говорит.

Лорни высвободил свою руку и остановился. Йоки вопросительно посмотрел на него.

– Сейчас, мы пойдём домой, – грозно сказал Лорни.

Йоки медленно подошёл к нему и опустил глаза.

– Помнишь, – тихо произнёс он, – давным-давно мы играли в «Два королевства»? Я был королём, а ты моим рыцарем. Последним: всех остальных взяли в плен. Мы встретились в лесу. Тогда ты сказал мне, что знаешь, куда бежать. И я последовал за тобой. Сегодня я знаю, куда нам надо бежать. Осталось совсем чуть-чуть.

Йоки снова бросился со всех ног. Лорни некоторое время смотрел на удаляющийся грязный плащ, цеплявшийся за кустарник. Кровь закипала в юном следопыте. Наконец, не выдержав, Лорни сжал кулаки и ринулся в погоню. Он хотел повалить друга на землю и бить, бить, бить! Уже забыв про боль в плече он бежал по мху к толще подлеска. И вот, продравшись вслед за Йоки сквозь ракитовые кусты и молодые ели, он выпрыгнул на луг и побежал. Впереди, в высокой луговой траве виднелся Йоки – он бежал, воздев руки к небесам. А в самих небесах висело нечто невообразимое. Лорни не сразу осознал, что это и долго не мог поверить в то, что видит. В небе над лугом висела чудовищных размеров каменная глыбища. Исполина выглядела настолько огромной, что весь луг, накрывала её тень. Она походила на могучий горный хребет, подобный тому, что на горизонте отделяет провинцию Дербены от Сивых Верещатников. Только горная гряда эта была перевёрнутой – вершины её смотрели вниз. Потом Лорни понял, что это не перевёрнутые горы, а осколок какой-то иной земли. Там, наверху, должно быть, есть обычные горы, поля, долины, а отсюда можно увидеть только корни мира. Наверное, если взяться копать вглубь земли, рыть дни и ночи, год за годом, вырыть огромную яму и добраться до основания, а потом пробить его и заглянуть вниз, то увидишь такие же корни своего мира, а под ними ночное небо и звёзды. Кто знает, какие земли, города и народы есть на этих, нависших над Дербенами перевёрнутых горах? И что заставило чуждый мир слететь со своего обычного пути и оказаться тут, в Эритании?

Лорни двигался по лугу, не переставая наблюдать за висевшей над головой глыбищей открыв рот. Ноги волочились по неровной земле, задевая кочки и путаясь в высоких травах. Налетев на изрядно выступающую кочку, Лорни споткнулся, упал на колени, но, не обращая на это внимания, полз дальше, дивясь исполинской громадиной. Здесь, на лугу было ужасно ветрено. Высокая трава лезла в глаза, а руки вязли во влажной земле. Лорни остановился и всмотрелся в эти странные небесные горы. Теперь, когда паренёк не двигался, ему стало ясно – это нечто вовсе не висит в воздухе, а стремительно падает. Ещё секунду назад громадина издавала едва уловимый гул, а сейчас она рассекала воздух так, что закладывало уши. Граница

между этой падающей землёй и открытым небом проходила прямо над головой у Лорни. От громадины отлетали облака пыли и бесчисленный мусор из камней разного размера. Лорни поднялся на ноги и побрёл вперёд, заткнув уши руками. В его голове даже не появилось мысли бежать прочь, спастись, предупредить своих. Невероятная картина лишила его способности мыслить и даже силиться спасти свою жизнь от неминуемой гибели. Он остановился и стал осматривать траву: где-то здесь должна лежать его дорожная сумка. Неожиданно рядом с ним в землю врезался огромный булыжник. Лорни в ужасе отпрыгнул в сторону. Что-то внутри его сжалось. Страх за жизнь проснулся, разбудив и все остальные чувства. Паренёк понял, что пропал, но всё же собрал последнюю волю в кулак и рванул к лесу, закрывая голову руками и прижимаясь к траве. Было слышно, как сзади в землю врезаются камни не меньше того первого.

Лорни так и не понял, почему в тот момент он вдруг вспомнил о Йоки. Перед глазами у него мелькала только прибитая ветром трава и светлая полоска неба где-то впереди. Возможно, он подумал о своей раненой руке, а может быть, вспомнил, как спешил только что по лесу, желая поколотить деревенского дурачка. Как бы там ни было, необходимость развернуться и бежать за другом оказалась столь сильной, что Лорни сквозь страх кинулся назад, под падающие камни.

В лицо дул сильный ветер: это воздух сверху, тесным громадиной, врезался в землю и с пылью, травой, ветками и песком бил в глаза. То тут, то там, подбрасывая в воздух комья земли, падали валуны. Стоял такой шум, что Лорни перестал вообще, что-либо слышать. Дальше бежать оказалось невозможно: пути стало не видеть. Пыль застлала глаза, а когда Лорни удавалось на мгновение их открыть, всё вокруг оставалось чёрным, словно ночью. Несчастный паренёк попытался окликнуть друга, но теперь даже вдохнуть оказалось невообразимо трудно. Земля задрожала. С каждой секундой удерживаться на ногах становилось сложнее. Внезапно Лорни ощутил, что кто-то дёргает его за одежду. Во тьме паренёк нащупал знакомый плащ с ястребиными перьями. Друзья взяли за руки и побежали.

Они неслись со всех ног, спотыкались, падали, ползли, вставали и снова бежали. Их окружала тьма и пыль. Мальчишки не могли дышать, видеть, слышать и говорить. Земля содрогалась с каждой секундой всё сильнее. Единственное, что они могли – держаться друг за друга и бежать туда, где, как им казалось, стоял спасительный лес.

И тут страшная сила отбросила Йоки в сторону. Лорни даже не успел крепче сжать руку товарища. Через мгновение земля резко вздыбилась, как напуганная кошка, и у Лорни подломились ноги. Паренька толкнуло вверх. Его швырнуло, будто ядро из катапульты. Во время полёта он испытал не страх, а чувство неизбежности. Когда боишься, страх сковывает твои действия, потому что ты не знаешь, что должно произойти. Чувство неизбежности рождается тогда, когда исход ситуации ты полностью осознаёшь. Предпринимать в этот момент ты тоже ничего не можешь, но не потому что ты скован страхом, отчаянием или болью. Ты бездействуешь, потому что ни одно твоё действие не имело бы смысла – ты понимаешь, что всего лишь песчинка в бурне, капля в волне, разбивающейся о камни, лист в осеннем урагане.

Лорни рухнул на колючие кусты и поранил руки. Где ещё он ушибся, или какую другую часть тела повредил, Лорни и выяснять не собирался: где-то тут, в этой тьме, должен быть Йоки. Кругом продолжало грохотать, земля тряслась, в глаза и рот набивался песок. То и дело рядом в землю врезались острые камни. Йоки метнулся вперёд, натываясь на ели и кусты. Касаясь еловых лап, он нащупывал путь между стволами. Он поднимал ноги как можно выше, чтобы не споткнуться о корни. Вскоре стало светлее, но грохот и тряска не ослабевали. На мгновение, глянув вверх, Лорни увидел, как на вековые деревья падают скалы. Огромные гиганты, отколовшиеся от исполинского косогора, летели на лесной массив, разбивая в щепки живые деревья. Прямо над головой Лорни заметил и падающие горы. Они склонялись прямо над ним. Вся масса, упавшая с небес, нависла над лесом и готова была вот-вот подмять под

себя хрупкие деревца. Лорни бежал, уклоняясь от падающих елей и камней. Внезапно, позади раздался глухой, но мощный удар. Волна звука оглушила Лорни, а ураганный ветер сбил с ног. Он ударился спиной об острые камни и ломаные ветки. Свернувшись калачиком парень закрыл голову руками и стал кричать, что было сил. Но как он ни старался, услышать себя не вышло. Тут его придавило небольшим камнем. Лорни дёрнулся от боли и закричал ещё громче. Снова в бок ударил холодный осколок. И снова мальчишка лишь вздрогнул от боли. Потом ещё несколько раз по нему попало тяжёлыми камнями, а он всё лежал и кричал. Ему было всё равно, умрёт он или нет – главное, чтобы этот кошмар наконец утих.

Лорни проснулся оттого, что сильно озяб. Он открыл глаза и обнаружил себя, в буреломе под слоем мелкой каменной крошки. Кругом стояла привычная лесная тишина. Попытавшись встать, паренёк понял, что тело совсем не слушается. Лорни подвигал суставами: все ли конечности целы? Руки и ноги двигались, спина не болела, шея поворачивала голову, горло цело. Он закрыл сначала один глаз, а потом другой. Оба видели. Ощупывая голову, он обнаружил на затылке ком из волос, слипшихся от запекшейся крови. Голову пронзала дикая боль. Он всё же прощупал череп: а вдруг там дырка? К его счастью, голова осталась цела.

Лорни поднялся на ноги. Голова закружилась, а к горлу подступила тошнота. Он присел, опустил голову на колени и закрыл глаза. Стало легче. Картины произошедшего во всех подробностях всплывали в памяти. Всё случилось так быстро, что теперь, сидя в грудe обломков, он должен сложить заполненные ужасом мгновения в цепь событий. Лорни огляделся. Позади, за вырванными с корнем деревьями, косыми еловыми стволами без ветвей и коры возвышалась до самых облаков отвесная скала, которой не было тут ещё вчера. Нет да нет, откуда-то доносился грохот падающих камней. А вот и от самой отвесной стены откололся гигантский кусок, похожий на огромную серую сосульку и стрелой упал вниз, с лёгкостью войдя в мягкую землю чуть ли не на половину длины. Лорни никак не мог поверить, что это всё случилось на самом деле. Он отказывался признавать, что видел всё своими глазами, да ещё и чуть не погиб. Осмотрев себя, он засмеялся. Одежда стала непригодной: изорванная хуже старой половой тряпки, пропитанная кровью, она лоскутами свисала с его измученного тела. Лорни оторвал левый рукав, чтобы посмотреть на ту рану, что он получил при падении в лесу во время преследования Йоки. Повязка куда-то подевалась, а колотая рана с трудом угадывалась среди других глубоких и не очень ссадин, порезов, ушибов. Лорни снова засмеялся: тогда, увидев, что его руку пронизывает еловая ветка, он не знал, что делать, а теперь искупавшийся в собственной крови он счастлив, что вообще жив.

– Йоки! – вскрикнул Лорни, но громко не получилось. Он откашлялся и снова позвал друга, но уже в полную силу. Позади снова раздались раскаты падающих камней. Поодаль послышалось щебетание птиц и кукушки. Йоки не отзывался.

Лорни встал, забрался на выкорчёванную ель и окинул взглядом окрестности. Скала тянулась с юга на восток насколько хватало глаз. Подле неё лентой, шириной шагов в сто, шёл бурелом, плавно переходящий в уцелевший лес. Пологая местность превратилась в склон холма, с глубокими трещинами. Наверное, вонзившись в луг, эти небесные горы вытолкнули из-под себя землю, образовав вокруг это всхолмье. Из куч веток и разорванных в клочья еловых стволов торчали серые камни – острые, блестящие влагой. Там наверху, очертания упавших гор терялись в спускающемся с их тумане. Предвечерье дышало стуже и стуже. Лорни полез по бурелому, карабкаясь по сваленным елям, огибая острые валуны. Как муравей ползёт по лесной тропинке, усыпанной еловой и сосновой хвоей, Лорни часто останавливался, проваливался куда-то вниз в расселины, снова выбирался, вилял и не раз выползал туда, где уже был. Гигантская каменная сосулька, отколовшаяся сразу после того, как Лорни очнулся, была уже

совсем близко. Холодный столп нависал прямо над головой. Этот мёртвый каменный великан, пристально наблюдало за тем, как маленькое живое существо силится преодолеть ещё один аршин. Лорни казалось, что у этого великана там наверху, есть невидимые глаза. Веяло от этого высокого камня такой тишиной, какой пахнет только смерть. Лорни не хотел смотреть вверх. Сейчас, когда каждая часть его тела ныла от боли, запёкшаяся кровь трескалась при малейшем движении, а озноб пробирал всё проворней, ему совсем не хотелось тревожить великана, отколовшегося от скал, сошедших с небес. Хотелось скорее проползти это тихое место и больше сюда не возвращаться.

Но именно здесь на глаза Лорни попала какая-то тряпка. Прямо на ветке, торчащей из еловых лап, он увидел кусок мешковины с воткнутыми в неё перьями. Потемневшая от влаги материя, грязная как и всё вокруг, почти не выделялась из общей картины. Лорни приметил её только потому, что она казалась странно знакомой. Это был старый плащ Йоки. Лорни снова тихо позвал своего друга. Когда ему никто не ответил, парень начал понимать, что он находится в мире, где падающие с неба горы не имеют никакого значения. Гораздо важнее здесь волны невидимого моря, омывающие всё вокруг. Волны, приводящие в движение сосны в лесу, травы в степи и его – человека, выползшего из-под обломков. Это волны, которые он никогда не замечал, и которые столь отчётливо предстали перед ним сейчас, на краю мира – мира жизни, наполненного бушующим морем светлых и тёмных сил. Он стоял на рубеже и теперь должен был заглянуть за грань, туда, куда ушёл его друг. В тот миг, как он увидел кусок старого плаща, всё стало ясно. Можно было испугаться, закричать, начать надеяться на лучшее и искать, искать, искать. Лорни оказался не из тех. В миг, когда загробный мир предстал перед ним на расстоянии вытянутой руки, молодой человек не потерял самообладания, а даже наоборот, избавился от всего лишнего, чем была заполнена его жизнь. Чёткая картина того, как надо теперь поступать, всплыла в сознании из тёмных глубин его души. Изначально заложенное в нём понимание того, что необходимо делать, а что праздно, нашло в его характере твёрдую опору. Подобно зёрнам, попавшим в плодородную почву, незыблемые жизненные принципы крепко пустили корни в его душе.

Лорни подполз ближе и снял обрывок плаща. Крови на нём не было. Вероятно, его сорвало с Йоки этой самой веткой, которая обломилась, когда на неё падал какой-нибудь камень. На ветке, зияющей бледной желтизной свежего излома, следов крови тоже не нашлось. Значит, не задело. Лорни сделал ещё несколько шагов вперёд и обнаружил, что стоит прямо перед той самой гигантской каменной сосулькой.

«Всё-таки где-то здесь», – подумал Лорни. И тут он увидел распластавшееся на земле тело. В том месте, где огромный осколок вошёл в землю, не валялось ни наломанных веток, ни выкорчёванных пней. Йоки лежал на примятой траве, распластав руки и ноги. Так обычно лежат счастливые люди, бегущие в солнечный день по лугу, а потом останавливающиеся и падающие на спину, чтобы, жуя травинку, безмятежно поглядеть на белые облака. Лорни присел рядом с телом. Он никак не мог заставить себя посмотреть на всё целиком. Вместо этого, глаза бегали, выхватывая отдельные фрагменты. Он видел ногу, руку, подорожную сумку. Голова лежала на земле прямо в том месте, где осколок вонзился в почву. Ровная каменная стена и землястый пол – в этом странном углу и лежала голова друга. Лорни захотел повернуть лицо погибшего к себе. Молодой следопыт провёл пальцами по камню вниз и, только он хотел повернуть голову друга, как понял, что пальцы его уже находятся под черепом. Лорни понял, что половина головы Йоки находится где-то там внизу, под камнем, который обрушился на неё с такой силой, что разрезал череп пополам, как нож режет буханку хлеба. Он с ужасом отпрянул от тела и посмотрел на свои красные пальцы. Ему сделалось плохо: голова закружилась, а в животе всё на мгновение сжалось, стало не хватать воздуха. Лорни отвернулся и перевёл дыхание. Сердце начало успокаиваться, а прохлада на щеках сменилась испариной. Видеть то, что Йоки мёртв, оказалось сложнее, чем просто осознавать это, не видя проломленную голову

и не ощущая на пальцах липкую кровь. Но именно в этот тяжёлый момент Лорни чётко увидел свою новую цель. Следопыт, которому больше некого выслеживать, поднялся, оглядел местность и принялся за дело. Сначала он нашёл острый камень, который хорошо лежал в руке. С его помощью он быстро раздобыл себе пару крупных еловых лап. Положив одну лапу на другую, он получил незамысловатые носилки. Аккуратно уложив Йоки на еловые лапы, Лорни оттащил его от скалы туда, где деревья стояли невредимыми. Он оставил друга на мшистых кочках, под тремя молоденькими елями, росшими на опушке, окружённой хороводом берёзок. Крепко сжимая в руке острый камень, Лорни побежал обратно к скале, издавая неистовый боевой клич. Он нёсся по кочкам так скоро, что лишь чудом не переломал себе ноги. Когда он достиг осколка, отрезавшего Йоки полголовы, Лорни стал бить его своим острым камнем.

– Исчезни! – кричал он, срывая голос и нанося удары по холодной громадине. – Ты мне ответишь! Провались пропадом!

Он бил и бил по скале, высекая искры и защемляя истерзанные пальцы. Когда камень выпал у него из скользкой от пота и крови руки, Лорни опустил на колени и забил по скале кулаками. Он кричал и выл, пока не обессилел и не упал ничком, зарывав тихо, без слёз, царапая землю разбитыми ногтями.

Когда опустилась ночь, Лорни уже сидел у костра на опушке, окружённой берёзами. Под тремя ёлочками темнел холмик сырой земли, выложенный по краям камнями. Из холмика торчали две палочки, перевязанные друг с другом одной короткой поперечной. Знак напоминал букву «н». В тех краях, да, по правде сказать, и во всей Эритании, так обозначали могилки. Лорни сидел, глядя в огонь и думал о Йоки, о том, как тот ушёл из деревни и как нелепа оказалась его смерть. Ведь они вдвоём были там на лугу, где теперь возвышалась отвесная скала до самых облаков. И они вместе добрались до леса. На тот момент, когда эти горы рухнули, Йоки всё ещё оставался жив. Кусок скалы отделился и рухнул только тогда, когда Лорни очнулся. А сколько он пролежал без чувств? Ведь всё это время Йоки жил. Возможно, очнись Лорни раньше, он смог бы спасти друга. Тогда в смерти человека, выходит, виноват не бездушный камень, а он – Лорни. Тот, кто ещё недавно с кулаками бежал за ним по лугу, готовый избить его до полусмерти, а потом на аркане тащить до самой деревни. Может быть он – друг, отправившийся на поиски дальше прочих жителей деревни Степки – стал причиной гибели молодого парня? Лорни корил себя за то, что всё в жизни у него получается не так, как надо. С самого детства он совершал поступки, рушащие вокруг него всё доброе и правильное. Лорни вспомнил и тот день, когда давным-давно они играли в «Два королевства». Йоки, будучи королём, потерявшим всё своё войско, стоял в лесу напуганный, готовый расплакаться в любую минуту. Он был один. Враги рыскали поблизости: из-за деревьев раздавались их дикие вопли. Они искали Йоки, чтобы взять его в плен. Королеву они уже захватили. Для полной победы оставалось пленить только его – маленького, испуганного мальчика. Лорни случайно наткнулся тогда на своего друга. В той детской игре они оставались последними выжившими: король и его рыцарь. После стольких лет, он во всех деталях помнил тот случай. Правильного решения тогда уже не существовало. Одержатъ победу было невозможно. Йоки потерял всякую способность рассуждать и принимать решения – за ним шла охота. Спасение своего друга и короля легло на плечи Лорни. Он предложил бежать к старому амбару и спрятаться там под крышей. Всё это закончилось тем, что амбар, где засел плачущий Йоки, окружила кричащая ребятня. Йоки с позором вывели на всеобщее обозрение и совершили игрушечную казнь. Наверно, с тех пор он и стал таким странным: гулял всё больше один, ни с кем не разговаривал, собирал гнилые коренья и бубнил себе под нос непонятности. Лорни рос, и всё чаще слышал истории, в особенности о доблестных рыцарях и чести. Сравнивая себя с этими рыцарями из сказок, он постепенно понимал, что тогда в лесу, они вдвоём вполне могли бы выйти против врагов в открытый бой. Так поступил бы любой рыцарь из этих сказок. И если бы у него тогда хватило смелости, уверенности в себе, дерзости и воли к победе, они бы одержали верх над неприятелем.

телем. Кто были недруги? Кучка неорганизованных мальчуганов, которые бросились бы врассыпную, увидев перед собою людей, готовых умирать, но не сдаваться.

Из сказок, разговоров взрослых, учений звездочёта Мирафима Лорни узнавал, каким должен быть настоящий человек. Но каждый несовершенный им значимый поступок, делал из Лорни человека заурядного, малодушного, нерасторопного. И сейчас он мог бы быть сильнее – прийти в себя раньше, скорее отыскать Йоки и оттащить его дальше к лесу, до того момента, как кусок камня отсечёт другу половину головы. Лорни беспрестанно хотел стать лучше, но как ни старался, ничего не получалось. Фантазировать он мог что угодно, но неведомая сила всегда возвращала простого парня из Степков в колею бесславной жизни крестьянина и подмастерья выжившего из ума звездочёта.

Зябкое утро разбудило Лорни щебетанием птиц. Открыв глаза, юноша увидел перед собою большого серого волка. Огромная пепельная фигура стояла совсем близко в дымке потухшего костра. Лорни не успел испугаться, как волк потерял всякий интерес к человеку и метнулся куда-то в лес. За деревьями в том же направлении пронеслась целая волчья стая.

Оставаться в глуши, где бродят встревоженные звери, стало небезопасно. Лорни отправился на восток вдоль упавших с неба гор. Они оказались столь огромными, что потребовалось более половины дня, чтобы пройти их. До деревни Буеры Лорни добрался поздней ночью. Его встретили обеспокоенные люди, видевшие, как с неба в лес падает серая глыбища. Появление истерзанного, голодного юноши вызвало ещё большую тревогу. Он остановился в доме своей тётки – жены местного свинопаса. До рассвета бабки обрабатывали раны, поили и кормили Лорни. Мужики, толпившиеся в горнице, внимательно слушали рассказ парнишки, хмурились, молчали, думали.

Утром тётка дала Лорни чахлую кобылу, и юноша направился домой. До Степков верхом выходило два с половиной дня пути. А там, среди лугов, видели ли его родные, парящие в небесах горы? Дрожала ли под ногами земля? Поверят ли они его рассказам? Лорни было недосуг думать об этом. Его беспокоила будущая встреча с матерью Йоки – несчастной женщиной, потерявшей в жизни всё.

Подъехав к воротам своего двора, Лорни спешил. Скитавшегося десять дней паренька обступил деревенский люд. Все, включая мать Йоки, ждали главной новости – жив или нет.

– Йоки, – начал Лорни, глядя в глаза старой женщины, – знал то, о чём не догадывался никто из нас. Даже Мирафим не предполагал того, что в итоге случилось. Йоки отправился на полночь, чтобы найти подтверждения своим догадкам. И он их нашёл. Он стал свидетелем появления новых гор. Когда эти горы упали на землю, весь мир пришёл в движение. Даже в Буерах земля ушла из-под ног. Тамошний люд подтвердит мои слова. Я и Йоки оказались рядом с местом падения. Тогда мой друг спас мне жизнь. Он не смог вернуться сюда... Потому что... Потому что никто не знает об этих горах больше чем он. Это великий человек и великий первооткрыватель. Йоки из Степков станет первым, кто взойдёт на новые горы. А когда он закончит свою работу и вернётся, о нём узнает весь мир. И каждый из нас будет гордиться таким земляком.

Поверили жители деревни его словам или нет, Лорни не понял. По хмурым взглядам и напряжённому молчанию простого люда никогда не скажешь, что у них на уме. Но Лорни обрадовалось, что тревожное выражение лица матери Йоки сменилось спокойной улыбкой, а глаза засияли светом надежды. Этот свет горел с тех пор каждый день, в течение последующих трёх лет до самой её кончины. Женщина заболела ранней осенью и умерла в собственной постели. Уходила она в здравом рассудке и с твёрдой уверенностью, что у Йоки всё хорошо.

Глава 3 «Семеро»

Закич мечтал о колбасе. Эти грёзы одолевали его с тех самых пор, как копыта его дряхлой кобылы в первый раз подмяли мшистую землю степной провинции Дербены. Колбаса слу-

жила ему символом достатка и завершённого счастья. Сладко-тёплый запах напоминал ему дом, жену, раннее утро, когда на стол, покрытый белоснежной льняной скатертью, ставили обожжённую глиняную тарелку и деревянную кружку. В кружке белело тёплое парное молоко, а на тарелке лежали кружочки красной колбасы. Закич ценил уют, но и ненавидел его. Сейчас, возвращаясь на дряхлой кобыле с дозора, в потёмках, под проливным дождём и на холодном ветру, личный коневод рыцаря Ломпатри утешал себя тем, что поганая погода всё же веселее унылого тёплого очага. Ведь в очаге нет страсти, нет стремления, нет жизни. Здесь же, каждую минуту приходилось доказывать, что ты живой, что имеешь право дышать и двигаться вперёд к своей цели. Если бы ещё Ломпатри сказал, куда они, к поганой нечисти, направляются. А то убьют храброго рыцаря ненароком какие бандиты-грабители. Пропадай потом в этих семи забытых Дербенах. Нет, бандиты сейчас совсем некстати.

Впереди показался свет – видать Воська развёл костёр. Только сегодня света было больше, чем обычно: пылающие головёшки яркой пирамидкой возвышались над чёрной землёй, освещая палатку и сновавших подле неё людей. Закич замер и прислушался к происходящему в лагере. Видимо, рыцарь Ломпатри решил разделить привал с кем-то ещё. И, судя по голосам, компанию он подобрал не из высшего общества. До Закича донёлся басистый смех мужиков. В лагере суетились. Коневод слез с лошади и тихонько сделал несколько шагов по направлению к костру. В свете пламени он отчётливо различил палатку, телегу и фигуры людей. Ночь уже опустилась на равнины и лагерные, привыкшие, видимо, к свету костра, не видели подслушивающего конюха. А он придавил поводья кобылы камнем, прильнул к земле и подполз ещё ближе к лагерю. После продолжительных странствий в компании рыцаря Ломпатри, коневод научился не только сносно обрабатывать раны, но и чувствовать незримое. Умение, самое что ни на есть полезное для кочевой жизни. При малейшем изменении устоявшегося хода дел, Закич слышал тревожный голос, говоривший: «а вот теперь, дорогой друг коневод-травник-лекарь-следопыт, тебе лучше припасть к земле и не высовываться». И если старый Воська время от времени повторял, что всё будет в порядке, то внутренний голос Закича в самые, казалось, спокойные моменты мог заявить, что вместо порядка их ждёт сущий кошмар. Вот и теперь этот дрянной голосок стал подшёптывать: «ночка будет ещё та». Просто подъехать к лагерю, и дать обнаружить себя, показалось Закичу наивным. Когда ты гол, как сокол, то найти общий язык можно с любыми отбросами. А если у тебя рыцарская кираса, недурной благородный меч, слуга, да ещё и «зверушка» в придачу, то шансы получить поленом по голове резко возрастают. Кирасу можно забрать себе, слугу зажарить на костре, ради веселья, а «зверушку» сдать королевской страже за вознаграждение. В такой ситуации лучше притаиться во тьме, где-нибудь поблизости и разобраться, с кем это там рыцарь сидит, а уж потом действовать.

Закич подполз ближе и притаился за кочкой. Гостей Закич насчитал до семи мужиков. Их кони – здоровые на вид животные, стояли возле телеги. Сами гости выглядели потрёпанно: кожаная одежда, подбитая засаленным мехом, берестяные лапти, старые шерстяные шапки, потерявшие форму и цвет. С оружием молодцы не расстались. Бойцы передвигались по лагерю с топорами, мечами и кинжалами на поясах. Один из них сидел у костра и точил стрелы. Дрянная одежда, хорошие скакуны и желание иметь под рукой то, чем можно убить – сочетание достаточно красноречивое. Ломпатри, скорее всего, уже догадался, что ночка предстоит буйная. Он сидел у костра неподалёку от входа в палатку, где, наверняка, лежал его меч. Воська мельтешил с кастрюльками и дровами, не догадываясь о том, что положение тревожное. Нуониэль, вероятнее всего, спал в палатке.

Говорили в лагере громко, но дождь сильно стучал по листьям плакун-травы, в которой лежал Закич, и поэтому он не сразу расслышал разговор двух мужиков, отошедших от лагеря в поисках валежника. Они прошли прямо у него под носом. От страха, сердце у коневода ушло в пятки.

– Видал молодца? – спрашивал один мужик другого.

– Здоров, детина, – отвечал второй.

– Бессеребренник. Таких сразу видно. Пропил всё, или отобрали.

– Шмотьё возьмём, – хмуро ответил мужик, ломая очередную найденную корягу.

– Ветковолосого видал? – усмехнулся первый.

– Ещё бы! Хворой какой-то. Кабы не заразиться. Но сдать страже можно, если кто из наших отправится в стольный. Уж пару монет выручим – этот точно сказочный. Ни разу настоящее сказочное существо не сдавал.

– А это что? Чья кобыла?

Закич медленно обернулся. Прямо позади стояла его лошадь, которая плелась за ним попятам всё это время: камень не удержал поводья. Пришлось действовать в открытую.

– Дунка! – окликнул клячу коневод и поднялся из кустов. – Это Дунка. Моя кобылка.

Тупые бандиты замешкали: сразу убивать этого подозрительного типа или же сначала схватить и допросить.

– Увидел костерок, – продолжал тараторить Закич, чтобы сбить их с мысли, – решил, дай загляну. Остановился поодаль – вдруг бандиты – надо проверить. Вижу – всё нормально, пошёл за Дункой, а тут и вы. Ну так как? Позволите у огня обсохнуть? Мне поделиться нечем – я давно в пути. Но добрым советом всегда помогу, если люди хорошие.

– Пойдём, – недоверчиво сказал тот, что был выше и шире в плечах.

Закич взял уздцы и направился за оборванцами. Когда подошли к костру, один из них взял у Закича лошадь и повёл к телеге. Гости тут же обступили. Главный у них был рослый детина в хороших штанах и дорогих сапогах. Его рваная кольчуга висела у костра, а сам вожак красовался огромным шрамом, пересекавшим блестящий от дождя мускулистый торс. Закич успел озябнуть, а этот верзила, казалось, совсем не замечал непогоды.

– Кто? – буркнул главарь, оглядывая новичка с ног до головы.

– Моё имя Закич.

– Да хоть чан с дерьмом! Живёшь чем, я тебя спрашиваю? – злобно спросил главарь.

– Дело моё нехитрое – врачую людей да скотину всякую.

Закич заметил, что разбойники всё ещё с недоверием смотрят на него. Ломпатри же, казалось, вообще не обращает на происходящее внимание.

– В стольном граде завелась одна крыса, пустившая слух о том, что Закич, якобы, занимается разными волшебствами, – стал придумывать Закич присев возле костра, будто бы его ночёвка в лагере уже дело решённое. – Конечно же, это полная ерунда. Я проблем не ищу. Стража на меня и так косо смотрела: думали я из конюшен добро тащу. Но, как говорить, у богатого прибрать не грех. А болтаться на виселице за волшебство – это не моё.

– И где же ты в Идрэне промышлял? – спросил один из разбойников.

– Идрэн? – переспросил Закич. – Нет. Не Идрэн. Атарийские мы, из Анарона.

– Из Анарона, – ухмыляясь, повторил главарь. – Анарон не так уж и велик. Где ты там жил?

– Велик – не велик! – отмахнулся Закич и стал греть руки над пламенем. – Посад шагов тысячи на три будет вокруг стен. По Морской дороге лавка Ингвара. Но он шарлатан: продавал улиток от всех болезней. С другой стороны бабка Негрис. Она ничего – ставила на ноги дня за три. От любой хвори лечила. Но денег брала с лихвой. А если ни Ингвар, ни Негрис не помогли, то езжай по северной дороге до Глади. Там в деревнях ищи лекарей. Вот я тамошний и буду. Я пришёл в посад и поселился у одного рыбака, в лачуге на приморской дороге.

Главарь улыбнулся и подсел к Закичу.

– Давно оттуда? – уже совсем добрым голосом вопрошал верзила.

– Да года полтора будет.

Главарь уставился в костёр и о чём-то задумался. Улыбка не сходила с его лица. Ломпатри подошёл к огню и стал сушить промокшие сухари над пламенем. На Закича он и глаза не поднял.

– Слушай, хожалый, – заговорил главарь. – А ты Игната знаешь?

Закич сделал вид, что вспоминает, а потом покачал головой. Игната он не знал. Вообще в Анароне, столице Атарии он был всего несколько дней. Закупал там лекарственные зелья и прочие припасы для своих собственных нужд. Всё, что мог, он из себя выжал. Дальше лгать убедительно не вышло бы.

– Меня зовут Акош, – сказал вдруг главарь. – Сам анаронский. Родился там. Лет десять уж не бывал дома. Может, ещё случится.

Стоявшие рядом разбойники поняли, что Акош доверяет этому Закичу. Подозрение сменилось безразличием, и любители вольной жизни разбрелись по своим делам.

– А что там вообще в большом мире делается? – с детской наивностью спросил верзила Акош.

Закич пожал плечами:

– Шаткий мир в нашем Троецарствии продержался ещё год. Всё же Сарвария и Местифалия не готовы сызнова торговать с нами. Слишком мы беспокойные. Наши короли изо всех сил стараются обуздать враждующих вассалов, совершающих набеги друг на друга по любому поводу, а Жрецы вновь переписывают историю да строят эшафоты для сказочных существ. Я так скажу: простому человеку жизни нет!

– Ничего не меняется, – задумчиво сказал главарь шайки, и вперил задумчивый взгляд в языки огня.

– Закич, – буркнул вдруг Ломпатри, глядя на подгорающий сухарик, – осмотри раненого.

Закич и Акош уставились на Ломпатри. Тот сидел молча. Акош вопросительно глянул на своего собеседника.

– И где же раненый, – спросил Закич.

Ломпатри дунул на дымящийся сухарь и отошёл к палатке. Закич пошёл следом. Рыцарь откинул стенку и пропустил конюха вперёд.

– Ночи ждут, – прошептал Ломпатри, входя за ним. – Коль тебя раскроют, будут сразу брать.

Стенка палатки приподнялась. Обернувшись, коневод и рыцарь увидели на фоне оранжевого пламени силуэт Акоша.

– Темно здесь, – громко произнёс Закич. – Пойдём на свет.

– Воська! – окликнул слугу рыцарь. Старичок протиснулся в палатку и стал поднимать нуониэля. Ломпатри успел что-то шепнуть слуге, когда тот вёл «зверушку» к выходу. Слуга еле-заметно кивнул.

В костёр добавили дров. Разбойники столпились вокруг: всем хотелось посмотреть на сказочное существо. Ломпатри снова занялся сухарями. Закич стал разбинтовывать шею раненого. Сам объект внимания разбойников был сегодня живее всех живых. Сидел он прямо, дышал ровно. Всё его внимание приковало пламя, пляшущее на сырых ветках. Воська, пыхтя и ругаясь, притащил к костру сундук, стоявший на телеге. Открыв его, он стал копошиться в вещах, посматривая то на Закича, то рыцаря.

– Инструмент есть? – спросил у Воськи Закич. Слуга стал судорожно перебирать хлам в сундуке. Через некоторое время он извлёк оттуда кожаный свёрток и протянул Закичу. Тот развернул его и стал разглядывать медицинские принадлежности.

– Неплохой наборчик, – сказал Закич, – разглядывая свои же тоненькие ножички, пилочки и иголочки.

– А твой наборчик где? – спросил вдруг Акош, поднимаясь на ноги. – Ты ведь лекарь.

– Откуда у меня такие? – засмеялся Закич. – Я ведь бедный.

– Да у него и походной сумки нет, – сказал один жирный разбойник.

– А может, вы заодно? – спросил верзила, что наткнулся на лошадь Закича, когда тот прятался.

– Стойте! – закричал вдруг один коротышка. – Этот парень – рыцарь. Рыцарям нельзя врать! Пусть он скажет.

– Эй ты! – обратился к Ломпатри Акош. – Это ведь твой лекарь, так?

Ломпатри выдержал паузу. Один пузатый разбойник уже вытащил из ножен ржавый меч. Рыцарь понюхал почти превратившийся в уголёк сухарь, потом снова поднёс его к пламени и сказал:

– Не перед тобой, холоп, мне отчитываться.

Акош смолчал. Все замерли. Неожиданно главарь бандитов ударил ногою по костру, и в Ломпатри полетели горящие головешки. Кто-то закричал: «гады!» Зашипели обнажаемые клинки. Разбойники кинулись в атаку. Закич и нуониэль сидели ближе всех к разъярённым гостям, и на них пришёлся первый удар. Воська, по тайному приказу рыцаря, притащил с сундуком и оружие. Теперь он кинул лежавшему на земле Ломпатри рыцарский меч. Благородный рыцарь схватил оружие, встал и побежал с поля боя куда-то во тьму. Воська испугался, но, придерживаясь плана, кинул копьё отскочившему от костра Закичу. Нуониэль припал к земле. Он с опаской глядел из стороны в сторону не зная, что же ему теперь делать. Бинты, которые Закич так и не успел размотать до конца, грязными тряпкам свисали с шеи сказочного существа.

– Эй! – крикнул ему Воська, и тут же бросил нуониэлю меч, завёрнутый в грязные тряпки.

Неожиданно сказочное существо ловко схватило меч, скинуло с клинка тряпё и в тот же миг оказалось на ногах. Тонкое, изогнутое стальное лезвие блеснуло между нуониэлем и бандитами, которые так и замерли перед внезапно появившимся воином. Ещё несколько раз нуониэль крутанул меч, да так быстро, что за его движениями было не уследить. Затем он отвёл клинок назад, а свободную руку выставил перед собою, будто бы страж, запрещающий идти дальше. Разбойники, с кинжалами, ножами, топорами и мечами наголо, резко остановились, налетая друг на друга, как если бы перед ними вдруг возникла невидимая стена. А может, они просто не решались нападать на того, кто столь искусно владеет мечом?

– Вспомнил! – со страхом в голосе, прошептал Воська, прячась за сундуком.

Однако дальше нуониэль ничего не делал. Он будто бы на секунду исчез из этого мира, а потом вернулся обратно и уже не понимал, что здесь происходит. Сказочное существо опустило руки и посмотрело на свой меч, будто бы в первый раз его видит. Разбойники, не мешкая, воспользовались ситуацией и повалили нуониэля на землю.

Закич тем временем стоял у палатки. Здесь его прижали двое. Противники не отличались расторопностью, поэтому Закич всё ещё оставался жив. В странствиях коневоду случалось с оружием в руках защищать свою жизнь, но он не слыл хорошим солдатом. Он крепко держал оружие в руках и был далеко не трус. По крайней мере, так говорил Ломпатри, всякий раз как они выбирались из очередной передраги. Сам Закич смотрел на любое сражение как на границу жизни и смерти. Он очень крепко держал копьё, потому что много раз видел как из-за пота и крови, у воинов из рук оружие просто выскальзывало, причём в самый неподходящий момент. Во время драки Закич ужасно боялся: всё тело у него пробирала дрожь. Но он постоянно твердил себе, что мешкать нельзя. Этому он научился в первом своём сражении. Один старый воин так и сказал ему, вынимая меч из солдата, который пытался отрубить Закичу голову: «Не мешкай. Ещё драться надо». И Закич дрался. Дрался, невзирая на страх, усталость и на то, что совсем не умел владеть копьём. Сейчас у палатки он обменялся с нападающими парой звонких ударов. Те не спешили набрасываться на него, а он не спешил умирать.

Толстый разбойник, который сидел на нуониэле уже вознёс свой кинжал, чтобы вспороть брюхо своему сказочному противнику. Тут из тьмы появился Ломпатри. В руках у него теперь

был не только меч, но и тяжёлый красный щит оживальной формы, с изображением гарцующего белого единорога. Кисти скрывали кольчужные ратные рукавицы. Рыцарь со всей силы пнул толстяка в грудь. Бедолага отлетел аршина на три. Ещё одного вояку Ломпатри сразу же заколол, вонзив сияющий меч ему под рёбра. Третий лихой малый напал на рыцаря слева. Ломпатри подскочил к нему, подсечкой повали на землю, и острым концом щита пробил ему грудную клетку.

Сбитый с ног толстяк отполз к Акошу и ещё одному бандиту, находившимся с другой стороны костра.

– Взять его! – зарычал главарь. И толстяк, на пару со своим дружкой, кинулся на Ломпатри.

Воська тем временем подполз к нуониэлю. Тот лежал неподвижно в крови, блестящей в свете пламени и одновременно очень тёмной, почти чёрной. Чья это кровь, слуга не разобрал. Единственное, что он понял – Нуониэль лежал без сознания. Пропитанные кровью бинты, которые Закич так до конца и не снял, уже задымились, от разбросанных везде красных угольков. Воська не мог понять, что же делать теперь. Тащить нуониэля обратно в палатку или оставить у костра? Тут без Закича не справиться. Воська схватил тонкий изогнутый меч нуониэля и побежал искать коневода, который сражался за палаткой. Здесь Закич вяло отбивал трусливые атаки парочки степных разбойников.

Воська подкрался сзади к одному из них, поднял меч нуониэля и с криком огрел бандита по спине. Он держал меч двумя руками, близко к себе, совсем не так, как это делал сам нуониэль. Как бить и куда, Воська тоже не знал. Он просто сделал так, как это обычно делает господин Ломпатри.

Самым концом меча Воська прорезал кожаную накидку бандита, и, видать, задел под ней что-то ещё. Разбойника скрючило. Он выронил из рук ржавый меч, повернул к Воське своё искореженное лицо, и рухнул наземь. Второй бандит и Закич с ужасом глядели на происходящее. Закич опомнился первым и, собрав все силы в кулак, выбил своим копьём ржавый меч из рук разбойника. Прыгнув вперёд, Закич пнул по выбитому мечу. Старая железяка отлетел куда-то во тьму. Закич направил копьё прямо на врага. Тот испугался и поднял руки вверх.

Ломпатри к тому времени уже убил одного из нападавших. Второй его соперник – толстяк – бросил оружие, оседлал лошадь и скрылся во тьме. Догнать его рыцарь не успел: на него плотно напал Акош. Этот малый был силён. Он резво махал огромной дубиной, увенчанной ржавыми гвоздями. Ломпатри никак не мог достать его своим мечом, хотя тот подходил достаточно близко, чтобы нанести удар. Наконец, Акошу удалось лишить рыцаря щита: бандит схватился за него, и Ломпатри ничего не оставалось делать, кроме как отпустить. Иначе верзила забил бы в его голову несколько гвоздей. Оставшись без щита, Ломпатри пошёл в контратаку задев клинком руку и ногу Акоша. Тот взвыл от боли, но сразу же накинута на своего врага с небывалой доселе яростью. Он буквально схватил рыцаря за грудки, и они кубарем повалились прямо в костёр.

Тем временем разбойник, которого поймали Закич и Воська, встал на колени и взмолился о пощаде. Победители с трудом представляли, что теперь делать. Они глядели то на пленного, то друг на друга. Потом Закич понял, что у Воськи в руках меч нуониэля.

– Что случилось? – спросил он слугу.

– Господин нуониэль, – дрожащим голосом выговорил Воська, продолжая держаться за меч двумя руками.

– Не дай этому уйти! – скомандовал Закич и метнулся к костру. Но тут из-за палатки появился Акош. Закич налетел прямо на главаря бандитов, отскочил от него, споткнулся и упал рядом с Воськой.

Акош оглядел происходящее. Главарь выглядел усталым, но дышал ровно. Кровь капала с него как сок с разбитого арбуза, пущенного под горку озорными мальчуганами. Пленный

разбойник вскочил на ноги, увидев своего главаря. Он хотел что-то сказать, но Акош заговорил первым:

– В бой! – тихо скомандовал он своему человеку. Потом Акош медленно подошёл к телеге, возле которой стояли лошади, оседлал одну из них и исчез в темноте.

– Акош! – кричал разбойник, спеша за своим командиром. Но путь ему неожиданно преградил Воська, нелепо угрожая мечом нуониэля.

Ломпатри без сознания лежал прямо на костре. Увидев это, Закич схватил его за ноги и потянул на себя. Рыцарь вдруг зарычал, ударил Закича сапогом по лицу и вскочил на ноги.

– Ты что? – завопил Ломпатри.

– Думай, что делаешь! – держась за разбитый нос, закричал Закич. Он подскочил к рыцарю и с размаху залупил ему в челюсть. Только вот кулак не достиг цели. Ломпатри перехватил его руку и сам ударил Закича своей кольчужной рукавицей.

– Я тебя из огня вытащил, рыцарь! Думал ты сгорел! – взбесился Закич, пытаясь подняться из грязи, и утирая рукавом кровь с подбородка.

Ломпатри оглянулся на костёр. Среди углей лежал рыцарский щит. Ломпатри поднял его и показал Закичу.

– Со щитом или на щите! – с молодецким блеском в глазах воскликнул рыцарь, глядя, как щит, объятый огнём, постепенно затухает.

Закич поднялся и сплюнул кровь. Ему стало сильно обидно.

– Что с ним? – Ломпатри выкинул щит, и поспешил к нуониэлю.

Раненый выглядел ужасно – весь в саже, промокший до нитки, заваленный телами врагов, он лежал в луже крови. Игривый ветерок всегда направляет дым костров на того, кто ближе всех к огню. Так и теперь, белые клубы едкого дыма окутывали нуониэля, пропитывая его лохмотья запахом копоти.

Закич кинулся к телу. Рана на шее снова кровоточила, а на затылке, под измятыми листовичными веточками нащупывалась огромная шишка. Коневод перевернул несчастного на спину. Тот открыл глаза и сделал глубокий вздох, захлёбываясь кровью. Закич повернул нуониэля на бок и помог откашляться.

К костру подошли Воська и его пленный. Слуга так и держал изогнутый меч наготове. Нуониэль повернул голову и посмотрел Воське прямо в глаза. Увидев, взгляд сказочного существа, Воська выпустил меч из рук. Клинок шлёпнулся в грязь.

– Дурак, – фыркнул Закич, перевязывая шею нуониэля.

Ломпатри поднял изогнутый меч. Он отыскал тряпки и попробовал вытереть клинок.

– Этим только полы мыть! – буркнул рыцарь и выкинул тряпьё в костёр. Ткань зашипела, стала шевелиться, и вскоре занялась.

– Воська! Неси мне, сам знаешь что, – скомандовал Ломпатри и подошёл к пленному. Тот рухнул на колени и стал молить о пощаде.

– О, благороднейший, – рыдал он, – не губи напрасно. Что я тебе – блоха. Много ли чести в смерти моей.

Ломпатри тем временем снял боевые рукавицы и со всей силы двинул разбойнику в челюсть. Бедняга повалился наземь.

– Не тебе, холопу, про честь говаривать, – сказал Ломпатри. – Встать! Вставай, кому говорят!

Пленник поднялся. Воська подошёл к Ломпатри и с поклоном вручил ему мизерикорд – небольшой кинжал, с блестящим острым лезвием, тонким как шип.

– А сейчас ты расскажешь нам всё с самого начала. Кто вы? Откуда? Сколько вас тут развелось? Почему у вас не топоры и палки, как у обычного сброда, а добротные мечи? И как зовут того умника, который посчитал, что убить и ограбить Белого Единорога Ломпатри – самая лучшая затея для холодного осеннего вечера? Ну же! – негодовал рыцарь.

– Пощадите меня, блоху никчёмную, милостивый господин, – дрожащим голосом отвечал пленный. – Я человек простой, злого не замышляю.

– Почто разбойничаешь?

– И не мыслил даже, добрый господин! – лепетал бедняга. – Из простых я – из крестьян. Грабят и убивают нашего брата. Что поделать человеку, который кроме как сеять да жать ничегошеньки да и не умеет? Подался к разбойникам из того, чтоб токмо не убили. Шёл из деревни спалённой. Шёл в город, счастья искать; дома-то теперь нет, семейных всех побили. Повстречались бандиты, так я и сказал им, что я тоже этот... Как их кличут? С большой дороги. А сказал бы, что пахарь – убили бы за ради потехи. Вот теперь иду, а куда, и сам не знаю. Не сердчайте, благочестивый господин...

Ломпатри снова врезал ему. На этот раз разбойник только пошатнулся, но наземь не упал.

– Честь мою оставь в покое, говорил ведь! – зарычал Ломпатри. – Всё-то вы о чести знаете, холопы!

– Много в здешних краях люду разного. Но то всё разбойники да головорезы. Людей пленят, в штольнях работать заставляют. Нам – простым работягам тяжело от них. Стонем днями и ночами. Где жизнь-то? Или в штольни иди, спину гни денно и ночью, или к ним в дружину. Мы ведь не воины, а крестьяне обыкновенные. Что же я, мужик, буду здоровье в шахтах гробить? Я уж лучше в дружине послужу, всевышние милуют, грех на душу не возьму никакой, не обижу невинных людей. А как кончится смута, али сбегу раньше – подамся в город, новую жизнь начинать. Всевышние милуют, ни рук, ни ног не потеряю, разбойничая – а там займусь трудом праведным.

Ломпатри схватил его за грудки.

– Паршивая же ты свинья, – сказал рыцарь. – Тебе ручки да ножки дороже земли родной, терзаемой смутою? Говори, где у вас берлога!

– Какая тут берлога! – взмолился пленный. – Денно и ночью скитаемся по степи.

– По степи, гуторешь? От греха бегаете, поди? – прикрикнул на него Ломпатри и всадил ему мизерикорд прямо в сердце. Вытащив стальной шип из груди бандита, рыцарь проделал ещё две дыры в его теле – у пояса под левой рукою. Кровь оттуда брызнула тёмная, почти чёрная. Разбойник повалился в грязь и сразу же испустил дух. Наступила тишина. Слышно было только гул костра, и как капли дождя стучат о кожаные накидки мёртвых, некрасиво лежавших среди помятой плакун-травы. Что-то совсем неправильное было в тот момент во владыке провинции Айну благородном рыцаре Ломпатри Сельвадо. Абсолютной неправдой казался и его благородный меч, начищенный до блеска трудолюбивым Воськой, отдававшим всю свою жизнь служению господину. Сейчас слуга стоял, держась за не менее сияющий меч нуониэля, и глядел то на тела разбойников, то на Ломпатри. Таким грязным хозяин ещё никогда не был: сапоги, штаны, рубаха – всё в саже и земле. Весь потемневший от крови и дождя, на фоне пламени Белый Единорог казался чёрным. Растрёпанные волосы прилипли к лицу. Капли дождя падали на окровавленный клинок мизерикорда и стекали с его кончика уже не прозрачными, а розовыми.

– Воська, найди булыжник покрупнее и кинь в костёр, – скомандовал Ломпатри. – Закич, спряги их лошадей и уведи отсюда. Одного можешь нам оставить.

Нуониэль чуть приподнялся на руках, попытался встать, но снова потерял сознание и рухнул лицом в грязь.

– Моя Илиана! – воскликнул Ломпатри. – Закич, сделай что-нибудь с раненым!

Конец затасил нуониэля в палатку. Он снял с него мокрые лохмотья и уложил на солому. Потом он закончил обрабатывать рану и перевязал нуониэлю шею. Воська тем временем раздобыл неподалёку крупный булыжник и кинул в костёр, как просил хозяин. Такой камень они искали каждый раз, как вставали на привал. Ночи становились всё холоднее, а раскалённый валун хорошо согревал палатку до самого утра. Но чтобы нуониэль не замёрз до

наступления ночи, Закич всё же затеплил в середине палатки небольшой очаг. Когда это было сделано, коневод собрал пять оставшихся от разбойников жеребцов, оседлал одного из них и направился прочь от лагеря.

Костёр стоянки уже исчез из виду. Закич отвязал лошадей от своего скакуна и направился прочь. Сразу возвращаться нельзя: кони пошли бы за ним до лагеря. Поэтому коневод спешился, взял свою Дунку под уздцы и стал бродить по лугу, ожидая, пока другие лошади разбредутся и потеряют его из виду. Дождь к тому времени уже кончился, облака сошли, открыв взору звёздное небо, в котором ярче всех сияла полная луна. Её серебряный свет озарял огромную степь, усыпанную сотнями кустов, похожих на пушистых чёрных барашков. Синие цветы кустарника, собравшие на себе дождь, блестели ярче голубых звёзд. В каждой капле, лежащей на степи, отражалась круглая луна. И казалось, два звёздных неба встретились в бесконечности. От созерцания нерукотворной красоты у Закича сжалось сердце. В жизни он не видел ничего прекраснее, чем эта степь, луна и капли дождя, превратившиеся в звёзды. Он устал – хотелось опрокинуть хорошего вина, заесть его жирной колбасою, завалиться на мягкие перины и уснуть. Но он стоял и смотрел на эту красоту, не жалея ни одного мгновения, потраченного на созерцание. Лунная степь – это как раз то, что он так долго искал. Здесь есть и воля, и красота, и жизнь. Не было здесь ни вонючего костра, ни мерзкого убийства пленного, ни раболепства Воськи, ни хромого благородства опустившегося рыцаря. И Закича так потянуло остаться здесь – пустить лошадь вперёд и не оглядываться. За последние месяцы он стал опытным дозорным, проводившим в одиночку в глуши и по три дня. Он бы жил. Жил сам по себе и сам выбирал бы, куда отправиться дальше. Нет, дорогой коневод, тебе уже не нужен господин рыцарь. Нынче ты и сам сгодишься в господа степных дорог!

Закич оседлал Дунку и направился обратно в лагерь. Да, Ломпатри задерживал жалование уже несколько недель, и ночная степь манила красотой, но время уходить ещё не настало. Кто приглядит за Воськой? Да и нуониэля надо поставить на ноги. К тому же, раз рыцарь уже пленный режет, то жизнь «зверушки» теперь зависит не только от лечения раны, но и от желания Ломпатри.

Костёр у палатки решили погасить, чтобы разбойникам, коль уж решат вернуться и отомстить, пришлось бы попотеть, отыскивая лагерь в темноте. Луна выдавала палатку за версту, но надежду давали облака, что вновь подтягивались с севера.

Походное жилище грели валуном из костра, который накрыли рыцарской кирасой. Жару такое приспособление давало столько, сколько дал бы живой огонь. Путники быстро высушили свои одежды. Дежурили ночью по очереди.

Последним в карауле стоял Воська. Слуга клевал носом и проваливался в сон. Угли большого костра уже переставали тлеть, а от предрассветной влаги холод пробирал до костей. Ночь потихоньку отступала.

– Зябко, – сказал сам себе Воська, поворотив палкой угли потухшего костра. Чтобы не прозябать без дела, слуга взялся чистить меч нуониэля. Воська, который всё всегда приводил в порядок, смыл с меча грязь, выцарапал иглой из всех щелей и стыков песок. Клинок вновь приобрёл благородный вид. Слуга нашёл, что это оружие прекрасно лежит в руке. В отличие от рыцарского меча господина Ломпатри этот изогнутый экземпляр был лёгок и вполне подходил для хвата обычного человека, а не гиганта с огромными ручищами.

Тела разбойников лежали шагах в пятидесяти от стоянки. Чёрные птицы потихоньку слетались на своё пиршество, хлопали крыльями, каркали и дрались друг с другом. Воська поёжился и спрятался глубже в накинутые на плечи шкуры.

– Лихо вы нынче с клинком станцевали, господин нуониэль, – начал Воська, обращаясь к мечу, – Прямо как тогда, когда мы впервые вас...

Тут он замолк. Обернувшись, слуга увидел стоящего у входа в палатку нуониэля. Сказочное существо двигалось медленно, чуть покачиваясь. Воська поднялся и протянул оружие

господину. Чистый, блестящий клинок отражал холодное, светлеющее небо, налитое солнцем, взошедшим за холмами, но ещё не показавшимся здесь, на равнинах. На столь острый меч даже смотреть было страшно – воображение так и рисовало те раны, которые можно себе нанести, если попробовать прикоснуться к лезвию. Маленькие неровности, причудливые, еле-заметные полосы на клинке – свидетельствовали о том, что ковали оружие из слоёной стали. Разнообразие почти невидимых узоров притягивала. Сияние света, изгибы линий и глубина рисунка завораживали. В один момент слуге показалось, что сталь клинка – это лёд внутри которого заточён свет. Слои металла начинали приходить в движение, рисуя странные картины. Игра света казалась магией, а магия, выглядела, как игра света. Нуониэль, одной рукою держась за колышек палатки, потянулся к мечу.

– Помогите! – закричал Воська, выронив клинок и рухнув в грязь.

Из палатки выскочил Закич.

– Ты что? – ударив Воську кулаком по голове, прошептал коневод. – Разбудишь кор-мильца, – добавил он с иронией в голосе. – Господин нуониэль, как же вы встали? Надо лежать.

Он взял нуониэля под руки и повёл обратно в палатку.

– Он хочет меня убить! – чуть не плача, прошептал Воська.

– Дурак! – рявкнул Закич и исчез за красной тканью походного жилища. Через минуту он снова вышел, закутался в шкуры и отошёл от лагеря вдохнуть свежего утреннего воздуха. Коневоду было холодно и неприятно оттого, что к босым ногам прилипает влажный песок и листья. Воська тихонько приблизился к Закичу.

– Лучше ему? – спросил старый слуга.

– После такой-то ночки! – усмехнулся Закич. – А вообще, пёс его знает. Чего это он встал? Может, и вправду не помрёт?

– Он вспомнил, – прошептал Воська. – Когда дрались, я кинул ему меч, и он снова сделал так, как тогда, на перекрёстке.

– Ломпатри запретил говорить про то, что случилось до Дербен, – продолжая созерцать степь, сказал Закич.

– Ах! Ох! То-то ты их приказания выполняешь! – укорил коневода Воська.

Они вернулись к палатке и развели костёр. Утро потихоньку вступало в свою полную силу. Проснулся и Ломпатри.

– Доброго здоровья! – весело поприветствовал его Закич.

– Собираемся в путь! – буркнул в ответ Ломпатри.

– Куда едем? – спросил Закич.

– В деревню.

– Мамочка! – удивился Закич. – Вот не ожидал, что теперь у нас есть пункт назначения. Какая радость. Господин рыцарь соизволил выбрать, куда нам теперь волочить свои кости!

Ломпатри вплотную подошёл к Закичу. Он взял у него из рук бурдюк, потряс его, и, убедившись, что тот пуст, швырнул обратно в руки коневоду.

– Запрягай коней, пьянчуга, – сказал рыцарь. – Путь неблизкий. Да, и не благодари меня за то, что спас тебе ночью жизнь. Ты пока ещё мой слуга, и защищать тебя – мой долг.

– И меня не благодари, рыцарь! – отвечивая наигранный поклон, ответил Закич. – Моё дело, как коневода – господ из костров вытаскивать и получать за это по носу ногами!

– Хотел, Закич, кочевой жизни, – засмеялся Воська, – вот получай! Пойдём, уздцы достану.

Через час они уже колесили дальше, греясь в лучах низкого осеннего солнца. Безветрие и нега клонили в сон. Не давал уснуть только голод, разгоравшийся всё сильнее. Путники даже не заметили, как прямо перед ними выросли три всадника в сияющих кольчугах, с длинными пиками наперевес. На круглых тёмно-зелёных щитах воинов красовался белый силуэт птицы Сирина.

– Кто такие? – спросил один из всадников.

Ломпатри, лежавший на телеге, встал и схватился за свой меч.

– Подойди поближе – узнаешь! – ответил он.

– Ночью мы уже поймали одного разбойника, – крикнул другой всадник. – С ним разговор вышел короткий. Отвечайте по-хорошему, кто такие, и что здесь забыли! За нами отряд в две сотни щитов и скоро они будут здесь.

Закич, ехавший рядом верхом, подкатил к телеге.

– Двести щитов, – шепнул он Ломпатри. – это похоже на королевское воинство.

– Точно. Это один из гербов Вирфалии, – ответил Ломпатри, кивая на щиты всадников с птицей Сирина.

– Что будем делать? – спросил Воська.

– За убийство того вирфалийского рыцаря на перекрёстке мне отрубят голову, – ответил Ломпатри.

– Но вы же его не убивали, – возразил Воська. – Вы невиновны!

– И что я им скажу? Что их рыцаря убил сказочный нуониэль не помнящий даже своего имени?

Глава 4 «Сирин»

Красную рыцарскую палатку временно переделали в баню. Старый Воська слыл глупцом, но в бытовых мелочах проявлял дюжую изобретательность. Раз в неделю он ставил палатку, натаскивал в неё камней, складывал там очаг и разжигал огонь. Прилаживал дымоотвод и застилал пол длинной травой. Снаружи он накрывал стены палатки еловыми ветками. Такие бани для Ломпатри и Закича становились настоящим праздником. Без удобств, постоянно под дождём и на ветру, в грязи и холоде, путники забывали все приятные ощущения чистоты и покоя. А баня, пусть даже такая – походная, приятно согревала тело белым паром. Аромат хмеля и травы мылянки грел душу воспоминаниями о доме. Но в этот раз баня вышла не по расписанию, а неожиданно, к радости всех на три дня раньше положенного. Всё потому, что рыцарю необходимо выглядеть достойным своего положения и общества равного себе по титулу человека.

Было около четырёх часов, осенний день только собирался идти на убыль, а лагерь из двух десятков палаток стоял полностью развёрнутым. Повсюду реяли знамёна с изображением белой птицы Сирина. Вокруг заваленной еловыми ветками бани сновали вирфалийские солдаты. Поодаль кипела полевая кухня, а в центре лагеря в большом белом шатре расположился благородный рыцарь Гвадемальд.

Утром разведчики Гвадемальда повстречали рыцаря Ломпатри и его спутников. Хозяина скрипучей повозки сопровождали до войска Гвадемальда на марше. В два часа дня Ломпатри, Воська, Закич и нуониэль увидели на равнине отряд человек в двести. По провинции Дербены двигалось настоящее войско: более половины верхом, остальные пехотинцами, а за ними шли до десяти груженных обозов. Неподдалёку от основного отряда кружились несколько групп из трёх-пяти лёгких всадников с изогнутыми луками наготове. В обмундировании, в оружии и в выправке людей чувствовалась рука опытного командира. Однако счастья на лицах солдат Ломпатри не увидел. Народ выглядел усталым и потерянным. Те, что шли в первой линии при полном снаряжении, хмуро глядели из-под стальных шлемов, тяжело ступая по заросшей бурьяном дороге. Ломпатри, выдавший на своём веку множество походов, сразу понял, что эти люди измотаны дорогой и подавлены. Случись бы им сейчас попасть в серьёзное дело – разбили бы всю эту пару сотен вирфалийских молодцов в пух и прах.

Во главе отряда стоял благородный Гвадемальд – рыцарь птицы Сирина, подданный короля Девандина. Несмотря на своё благородное происхождение и занимаемый пост, он восседал на дряхлой кобыле и прятался от степного ветра в дранном, вонючем кафтане, который не снимал и ночью суток эдак с десять. Это был человек лет пятидесяти, растерявший

с годами свою силу и выглядевший нынче как усталый сухожилистый крестьянин, любящий поспать лишний час, в то время, как остальные ражие мужики уже всю машут косами в полях. Видать, в былые годы этот крепкий малый мог сильною рукою и твёрдой волей к победе свалить любого верзилу, будь он хоть в два раза больше. Теперь его мышцы высохли, а норов всё чаще капитулировал перед кружкой эля.

Когда Гвадемальд и Ломпатри поприветствовали друг друга, как того требовал рыцарский кодекс, они стали обмениваться любезностями и, как бы невзначай, выведывать друг у друга цели путешествия. Простолюдинам наблюдать за этим действием было невыносимо скучно, ибо нет ничего более утомительного, чем куртуазность благородных мужей. Ни один рыцарь, при общении с равным по положению, не позволит себе просто спросить: «Куда путь держишь, странник?» Такой невинный вопрос – это ценная возможность показать своё благородство, выказать уважение к собеседнику, продемонстрировать свои манеры и заверить окружающих в том, что даже если ответа не последует, честь всех и каждого, кто участвовал в беседе, будет сохранена. Поэтому, вместо «куда путь держишь, путник?» от рыцарей можно скорее услышать нечто вроде: «встретив столь благородного человека как вы в здешних безлюдных местах, я готов поделиться всем, чем располагаю, дабы ваша дорога, какой бы долгой она ни была, оказалась короче и легче, если конечно какая-либо лёгкость вообще соизмерима с тем счастьем, которое испытают те, кто ожидает вас в конце пути». После подобного обмена любезностями рыцари Гвадемальд и Ломпатри проявили благосклонность друг к другу – решили устроить привал и «поговорить по душам». Поставили лагерь и занялись приготовлениями к встрече. Ломпатри происходил из очень древнего рода землевладельцев. Его фамилия Сельвадо уже много поколений владела в Атарии хорошими наделами и входила в круг приближённых к королю. Согласно своему статусу, Ломпатри не мог явиться в шатёр Гвадемальда не в праздничной одежде, немытым и голодным. Требовалось сделать всё так, чтобы не опозорить свой древний род, и соблюсти все формальности придворного этикета.

В палатку-баню зашли Закич и нуониэль. Пар ударил им в глаза, и заставил дышать глубже и аккуратнее.

– Закрывайте дверь скорее – зной уходит! – крикнул им Воська, усердно натирающий спину своего господина.

Нуониэль повернулся и опустил полотняную стенку палатки. Закич, Воська и Ломпатри пристально наблюдали за его действиями, потом обменялись взглядами. Нуониэль скинул с головы капюшон и расправил свои лиственничные веточки. Раненый шёл на поправку, выглядел бодро, хоть и оставался ещё немного бледным.

– Боюсь, заклюют его там солдаты, – сказал Закич, присаживаясь. – Зверёк-то невиданный, а люди это дикие.

– Давай лучше мыться, – бодро отозвался Ломпатри, вырвал у слуги мочалку и стал тереть себе бока. – Несёт от нас, как от тусветных вертепов.

– Какой путь, так и несёт, – ответил Закич, смахивая выступивший на лбу пот.

– Не серчай, – усмехнулся Ломпатри. – Ты же в бане. В месте чистом во всех смыслах. Слышишь, как пахнет? И где ты набрал столько хмеля?

– Если с коня иногда слезать, можно много собирать.

– Опять ты меня задеть хочешь, каналья? – спросил Ломпатри и швырнул в Закича травяную мочалку. Закич увернулся. – Я ведь от всего сердца, – продолжал нагой рыцарь. – Дивлюсь твоим способностям брать от земли-матушки всё самое ценное.

– Чем богаты – тем и рады, – вставил Воська. – Мы простые люди, и земля нас кормит. Вот если бы всё в жизни по порядкам земли шло, то в целом мире не знали бы голода и нищеты.

– Так значит, да? – сказал Ломпатри. – Королевские порядки тебя, видимо, меньше устраивают?

Воська испугался и даже отпрыгнул от рыцаря в ушате.

– Ну ты чего? – удивился Ломпатри. – Ты не думай, что я твои крамольные мысли кому скажу. Будь ты хоть цареубийца! В бане все равны – что простолюдин, что благородный господин. И каждый волен говорить, что думает. В бане свои законы – природные.

Закич усмехнулся.

– Эх, матушка-земля, – воздев руки, проговорил басом Ломпатри, – спасибо тебе за хмель да мылянку, за водицу да дерево. Очистила ты моё тело и душу. Все мы дети твои. Эй, Воська, подай золотой медальон. Где-то в подорожной сумке должен быть.

Ломпатри стал вытираться и оболакиваться в парадные одежды. Воська принёс золотой медальон – один из тех, которые рыцари с гордостью носили на груди, как знак своего положения в обществе.

Встретились благородные мужи в белом шатре Гвадемальда за длинным столом, покрытым светлой кружевной скатертью. Под мягким потолком висела железная лампа со множеством свечей, по углам стояли начищенные до блеска латунные каганцы. Ноги утопали в глубоком ковре, скрывавшем столь ровный пол, что казалось, находишься в настоящем доме, а не в шатре посреди поля, поросшего бурьяном. Приятная атмосфера уютных жёлтых огоньков, тёплого безветрия и вместе с тем чистого, лёгкого воздуха степи располагала к беседе. А Ломпатри, после бани и в чистых одеждах, чувствовал себя просто прекрасно.

Стол изобиловал кубками с элем, блюдами с разной снедью. Здесь лежали и рябчики, и запеченная картошка. Из-под льняных полотенец пахло тёплым хлебом, а в деревянных площадках горели яркими красками свежие овощи. Откуда у Гвадемальда в пути всё это добро – понять было невозможно! Сам рыцарь Гвадемальд, ехавший в драном кафтане, теперь восседал за столом в нарядных одеяниях. На пальцах его блестели крупные перстни, а на шее золотой фамильный медальон.

– Счастлив видеть вас, господин рыцарь, в моих скромных палатах, – поднявшись и пройдя навстречу гостю, сказал Гвадемальд. – Видеть, как Белый Единорог гарцует рядом с Сирином – безмерная услада. К чему вообще мы затевали ту глупую войну?

– Сейчас и не вспомнишь, господин Гвадемальд, – ответил Ломпатри и подал ему руки в знак очередного приветствия. – Премного рад! Моё счастье видеть вас столь же огромно, как ваше.

Они прошли к столу и начали трапезу. И Ломпатри и Гвадемальд умирали от голода. Если хозяин шатра и таскал за собою всё это добро, то, видимо, не притрагивался к нему ежедневно. Такая пища оставалась припасена на особый случай. И Ломпатри польстило, что он, рыцарь в достаточно стеснительном положении, всё ещё являет собою подобный «особый случай».

– Позвольте мне, на правах пригласившего вас, начать свой рассказ, – сказал Гвадемальд. – Известное дело, что путники при встрече в глуши сообщают друг другу о пути и обмениваются новостями. Если же они шли друг другу навстречу, то подобные разговоры имеют характер не только поэтический. Ведь странники могут поделиться тем, что видели и что пережили в пути. А для того, кто как раз идёт в противоположную сторону – это полезные сведения.

– Я нахожу вашу мысль правильной, господин Гвадемальд, – ответил Ломпатри. – Я сам не прочь поведать вам о моём странствии в первую очередь, но, всё же, уступаю вам. Ведь провинция Дербены – удивительное место, рассказы о котором можно долго слушать. Тогда как моя история не блещет красками.

– Вы меня интригуете, господин Ломпатри из Атарии. Но я не стану вас утомлять. Начну свой рассказ. Я – последний благородный человек в Дербенах. Был последним до сегодняшнего дня. Теперь появились вы, и нас стало двое. Однако завтра, когда я продолжу своё путешествие прочь отсюда, в Дербенах снова останется лишь один благородный человек. И это вы.

– Господин, вы покидаете провинцию?

– Всё верно. Хоть наш главнокомандующий, король Девандин, и дал мне поручение охранять северные границы королевства до тех пор, пока не последует дальнейших распоряжений, я вынужден нарушить его волю.

– Вы достаточно открыто выражаете своё отчаяние, господин Гвадемальд, – хмуро заметил Ломпатри. – Подобные поступки могут расстроить вашего сюзерена и даром запятнать вашу честь в глазах людей, ничего о чести не знающих.

– Возможно, это нескромно, но мне приятна ваша тревога, ибо я и сам склонен считать так же. Но когда бы эти несведущие в вопросах чести люди знали о моих нуждах, не стали бы они гнать на меня напраслину. О благороднейший Ломпатри! Да будет вам известно, что провинция Дербены больна. Она заболела давным-давно. Десять лет назад!

Рыцарь замолчал. Ломпатри не понимал, о чём говорит этот уставший человек. Двенадцать лет, проведённых в этих краях, давили на Гвадемальда тяжёлым грузом. Давило на него и безмолвие, в которое погрузился белый шатёр. Уж лучше бы ветер продолжал натягивать тряпичные стены, заставляя всё трещать и посвистывать. Но тишину разрывали только глухие хлопки огненных лент, вьющихся над каганцами.

– Этот Скол... – произнёс Гвадемальд.

– Скол? – переспросил Ломпатри, который, конечно же, слышал о подобном явлении природы, но никак не мог представить, что столь удивительная, далёкая от повседневной жизни вещь, может стать причиной подавленности собеседника.

– Этот не такой, как остальные. Это не булыжник, упавший на крестьянскую делянку, о котором потом рассказывают правнукам. Это даже не огромный, как они говорили, остров, упавший в Местифалии, во время правления Мидеция. Ай-ай-ай, Местифальский Скол был столь огромен, что на нём даже росли два дерева! Вздор!

– Дербенский Скол больше?

– Больше!? Он огромен! Вспомните какой-нибудь горный хребет на горизонте. А теперь поднимите его мысленно в воздух, переверните и грохните об землю. Потом представьте, сколько до этой громадины дней пути, и какова она будет на вид при ближайшем рассмотрении. Поначалу я думал, что это треклятая Гранёная Луна упала на землю. Простите меня за упоминание об этом лихе. Но она как появлялась в небесах по осени, так и продолжает появляться. Земля рухнет, мы умрём, а луны, звёзды и Дербенский Скол останутся на веки вечные!

– Поистине удивительная вещь! Невообразимая картина!

– Попомните мои слова, господин Ломпатри! Останутся на веки!

– Позвольте, но как провинция может «заболеть» от куска камня, упавшего с неба? – спросил Ломпатри.

– Вы считаете меня малодушным? Вы думаете, что смотрите на человека, уставшего от службы и ищущего виноватого на стороне? Позвольте предостеречь вас от подобных мыслей. Они не сделают чести ни мне, ни вам. Скол опасен! И здесь дело не в колдунах или волшебстве. Это короли всех земель объявили, что сказочные существа несут одни неприятности. Они вешают неугодных существ на каждом столбе. Тех, кого подозревают в волшебстве, сразу же сжигают, как волшебников. Если они, конечно же, не в гильдии магов. Королям и невдомёк, что причина бед Дербен – это не сказочные гады, а простые люди. Да, обычные люди, не принадлежащие к числу нечисти. Это бандиты и разбойник, которые слетелись на Скол со всего мира. Безмозглые твари считают, что новые скалы таят в себе несметные сокровища. Сначала появились путешественники – охотники до лёгкой добычи. За ними пришли фанатики и культисты, вроде тех, что бьют в барабаны, чтобы наш мир не исчез.

– Серые монахи! – вставил Ломпатри, вспомнив, что в его родных краях видывали людей в серых мантиях, призывающих пьяниц и обездоленных вступить в свои ряды.

– Именно! Приходили и они. И всё бы ничего, но позже явились другие бандиты. Они перерезали своих предшественников, не желая делиться ещё ненайденным богатством. Сна-

чала это были отдельные группы, пытающиеся рыть штольни внутрь Скола или ищущие тропы наверх, в леса, которыми поросли эти упавшие с небес камни. Группы враждовали. В конце концов, они перебили бы друг друга, но нашёлся среди них лидер. Он объединил весь этот сброд. С тех пор в провинции идёт война. Король, конечно же, никакой войны не объявлял, но то, что происходит, по-другому не назовёшь. Кругом разорение, похищения людей, убийства. Паскудные твари уводят в рабство целые деревни! Узники горбатятся в штольнях Дербенского Скола до потери пульса и умирают от голода. Перед вами сейчас сидит наместник короля Девандина в Дербенах, но истинные правители этих земель – разбойники.

– Такая ситуация вгонит в уныние кого угодно. Я понимаю ваше отчаяние. Однако скажите, что они ищут в Сколе?

– Кто его знает! Ходят слухи, что там сокровища. Но это всё сказки. С таким же успехом можно искать золото и драгоценные камни в наших горах. Только вот чтобы добыть золото надо работать. Надо строить, копать и долбить кайлом пока руки не отвалятся. А здесь этот сброд вбил себе в голову, что стоит стукнуть по Сколу киркой как по яичной скорлупе, и золото само повалится в карманы.

– Этой ночью нам посчастливилось встретить группу разбойников, – сказал Ломпатри. – Я обязательно расскажу вам об этом, как только дослушаю ваш рассказ. И если вы скажете, что не пытались сражаться с этой мразью, я вам не поверю, при всём моём уважении к вам.

– У меня был гарнизон в семь сотен щитов. Мы располагались в форте «Врата» на перевале Синий Вереск. Это северная граница Вирфалии. Дальше идут дикие вересковые пустоши или, как их тут называют, Сивые Верещатники. Оттуда раньше пару раз в сезон приходили караваны с тюленьим жиром или мамонтовой костью. Теперь торговля стихла... Так вот, я расставил своих людей по провинции таким образом, что ни один луг, ни одна деревня не оставалась без присмотра. Патрули обеспечивали безопасность дорог, а дружины присматривали за населёнными пунктами, разбивая лагеря неподалёку от деревень или на окрестных холмах. За два года моего наместничества в Дербенах не произошло ни одного убийства. Даже в Дербере всё ограничивалось драками в портовой харчевне и карманными кражами.

– Дербер?

– Это портовый городок к закату отсюда, – ответил Гвадемальд. – Крохотное поселение – не удивляюсь, что вы не слышали о нём. Как бы там ни было, два года в провинции царила тишина и покой. А потом упал этот Скол и начался разбой. Поначалу шайки сторонились моих патрулей. А затем, стали их потихоньку резать. Так в мой форт потекли караваны с воинами на щитах. Да, я не сменил тактику сразу – просто посылал в дозоры новых людей. А когда никого не осталось, снял полевые лагеря и удерживал форт, как только мог. Ведь эти дряни настолько обнаглели, что взяли в осаду наш военный форт! Они осадили форт короля Девандина! Добрая половина этих негодяев уже носит доспехи моих воинов. Признаться, я в глубоком отчаянии.

– Так вот откуда у них мечи, – заметил Ломпатри.

– Именно!

– Кто у них главный?

– Поверьте, простому разбойнику не под силу устроить бардак таких размеров, – сказал Гвадемальд и злобно плюнул на глубокий ковёр. – Эта мразь... Ах, уж лучше вам и не знать!

– Но вы знаете, кто стоит за этим? – спросил заинтригованный Ломпатри.

– Не стану даже высказывать своё мнение, ибо оно прозвучит не как домысел опытного воина и старого рыцаря, а как плач ребёнка, вспомнившего страшные сказки, – ответил Гвадемальд.

Ломпатри давно не вёл бесед с равными себе по статусу людьми, но последняя фраза рыцаря напомнила ему то, что он уже успел позабыть: неизбежность принятия той или иной стороны, будучи наделённым властью. Каждый землевладелец, лорд, рыцарь и даже сами короли должны были ясно давать понять всем вокруг, верят ли они в волшебство и сказки или

нет. Старая вера в непонятных существ и великие силы, недоступные человеку, угасала так же стремительно, как редели ряды её глашатаев – гильдии магов. Новая вера в так называемое Учение, пропагандируемое кастой жрецов, овладевало умами быстрее, чем распространяются лживые слухи в портовых районах больших городов. И даже тут, на краю света, возвращающийся в большой мир рыцарь, никак не мог решить для себя, во что он верит, а во что нет. Двенадцать лет он сидел в забытом всеми форте, но даже этого времени ему не хватило, чтобы уяснить себе – где есть истина. Конечно, такой опытный воин как Гвадемальд никогда просто так не поверит в какие-то сказки; Ломпатри знал это по себе. Но что-то останавливало этого человека от предания анафеме всего, о чём говорят королевские маги. Как бы складно не пели жрецы, Гвадемальд не верил, что, познав их Учение можно постигнуть истину. А может, просидев дюжину лет в далёком от мира горном форте, Гвадемальд обрёл истину так, как ни маги, ни жрецы и не мечтали?

– Возможно, ваш король пересмотрит своё отношение к делам в провинции? – спросил Ломпатри.

– С этой целью я и направляюсь в Идрэн. Когда король Девандин увидит, что его наместник с позором бежал из провинции, он поймёт всю серьёзность ситуации. Скольких гонцов я ни посылал к нему, всё тщетно. Хотя я предполагаю, что дворцовые интриганты попросту не доносили до сведения его величества о тяжком положении дел моего региона.

– Боюсь предположить, кто мог заниматься подобными вещами, – добавил Ломпатри.

– Да уж! Жрецы хоть и лезут в государственные дела, но всё же это Учение беспокоит их больше мирских дел. Хотя, в моём случае я доверяю жрецам меньше, чем гильдии магов. Ведь маги – это вопрос не колдовства, а вопрос веры. Вот что делать, если ты веришь в волшебство? Молчать в тряпочку, либо рассказать кому и быть повешенным прилюдно на праздники? Ну а если не хочешь болтаться в петле – вступай в гильдию магов и верь себе спокойно во что хочешь. Не знаю, как у вас в Атарии, но у нас в Вирфалии не видели ещё мага, который умел колдовать.

– Если бы в гильдии магов хоть один человек умел вызывать грозу, плеватьсь огнём или затуманивать разум, они бы уже захватили всё Троецарствие, – сказал Ломпатри.

– Ваша правда, господин рыцарь. И хоть после дюжины лет раздумий в горах я по-другому отношусь к волшебству, всё же маги – это просто фанатики, которые также не способны на дворцовые интриги, как не способны на это и жрецы.

– Прошу простить за резкость, но – кто бы не плёл эти интриги – не сочтёт ли король Девандин ваш отъезд из Дербен предательством и изменой королевству?

– Мой благородный друг! – улыбнулся Гвадемальд, – пока в своём сердце я верен королю, все мои деяния будут направлены во служение своей отчизне. И пусть сам король Девандин назовёт меня предателем – я всё равно продолжу служить своему народу и своей земле.

Ломпатри опустил глаза на остывающих рябчиков и одним глотком опустошил очередной кубок с элем.

– Преданность, о которой вы говорите, служит мне уроком, – сказал он.

Гвадемальд будто пропустил слова Ломпатри мимо ушей. Он держал в руке серебряный кубок с элем и отрешённо наблюдал за оседающей пеной. Рыцарь думал о чём-то сложном, гнетущем, а может быть, и не думал вообще. Наконец, он опорожнил кубок и сильно ударил им по столу.

– А всё-таки хорошо, что я вас встретил, господин рыцарь, – сказал Гвадемальд улыбаясь. – Посмотрите, кто меня окружает? Челядь! Простой народ, заботящийся только о своём брюхе и кошельке. Они говорят, что по-другому нельзя. Говорят, что именно это и есть смысл жизни: поглощать, припрятывать, копить, ублажаться и размножаться. А вы вот сидите передо мной чистый, в приличных одеждах, с прекрасным золотым медальоном. Он выполнено изящно!

– Сарварские кузнецы всегда славились своими ювелирными талантами!

– Узнаю их норы, – с улыбкой согласился Гвадемальд, присматриваясь к медальону собеседника. – Изящная и тонкая работа. Дай такую вещицу простолюдину, он отнесёт её плавильщику, чтобы тот отчеканил ему пару золотых.

– А плавильщик непременно его надует!

– Мужик – что с него взять! Ни красоты, ни доблести. Признаюсь, я рад, что имею честь вести беседу с благородным человеком. В моей душе так много накопилось за эти годы. Думы теснились в голове, мешаясь с чувствами. И не было выхода моим терзаниям и сомнениям. Разве мог я поделиться сокровенным с солдатами? Поняли бы они меня? Да, я часто надеваю драный кафтан, чтобы мои люди не смущались блеска моих доспехов. Я стараюсь быть ближе к ним, но у меня не получается. Мы другие, Ломпатри. Мы как Скол, упали в этот мир с неба и не понимаем, что все эти люди делают! Порой мне кажется – не будь я рыцарем – пропал бы.

– Благодарю вас за тёплый приём, свежий эль и тёплую снедь, рыцарь Гвадемальд, – вздохнув, сказал Ломпатри и поставил свой опустошённый кубок на стол.

– Зачем же вы прощаетесь, милейший? – удивился хозяин.

– Я не прощаюсь. Просто хотел заранее отблагодарить за гостеприимство. Возможно, после моего рассказа, вы откажетесь вести всякую беседу с таким ничтожным человеком как я.

– Не пугайте меня, господин рыцарь, – ужаснулся Гвадемальд. При этих словах он в первый раз за всю беседу проявил неподдельный интерес к собеседнику и, кажется, забыл о своих собственных тревогах.

– Сердечно прошу простить меня, добродушный Гвадемальд, но я не рыцарь.

Гвадемальд распрямылся, вытянулся, нахмурил брови и впёр свой взгляд в гостя.

– Вы Ломпатри Сельвадо, владыка провинции Айну, вассал короля Хорада, законного владыки королевства Атария. Я рыцарь в шестом поколении и хорошо знаком с рыцарскими домами наших земель, атарийских и варалусских. Если вы дадите мне минуту, я даже вспомню имя вашего отца.

– До каких-то пор всё, что вы сказали, было правдой, – вздохнув, ответил Ломпатри. – Однако, король Хорад лишил меня титула и всех наделов.

– Ваш король часто поступает опрометчиво. Лишиться такого рыцаря! Как всё произошло?

– Я расскажу, – хлопнув по столу, сказал Ломпатри, и принялся спешно поедать рябчика: тяжёлые воспоминания тревожили рыцаря, и сидеть спокойно он уже не мог. – Надел моего рода – провинция Айну. Она обширна, но не займёт и одной десятой Дербен. Вот только зелёные склоны айнуских холмов родят чудесный виноград и снабжают ласковым вином всё Троецарствие. Вот и представьте, сколько завистников может появиться у наместника столь лакомого надела. Всего-то около дюжины десятин, а прибыли – горы. Да и славы на весь честной мир. Моё отношение к челяди известно всем: я недолюбиваю простолюдинов. Они грубы и недалёки, не имеют понятия о чести и справедливости. Заботятся только о своих закромах и не видят нужды в служении отчизне. В гневе я могу отхлестать крестьянина, заточить его в подземелье за непослушание или кражу. Но я никогда не устраивал публичных казней и не держал народ в страхе. Я строг, суров, но справедлив.

– К чему вы это говорите, господин Ломпатри? – спросил Гвадемальд.

– Видите ли, господин рыцарь, как я уже заметил, у меня имелось много завистников. Одного из них зовут Мастелид.

– Мастелид из Биркады! – перебил его Гвадемальд, желая ещё раз показать, что разбирается в благородных домах соседнего королевства.

– Верно, – подтвердил Ломпатри. – Мастелид давно планировал заполучить мои виноградники и всё время думал о том, как же избавиться от меня. Мы три раза сходились на турнирах, и каждый раз я выходил победителем. На собраниях он спорил со мною по любому поводу.

Даже если я предлагал достаточно верные решения, он всё равно затевал спор и пытался склонить других благородных господ на свою сторону. Подобное малодушие лишь усугубляло всеобщую неприязнь к его мерзкой особе. Тогда он и решился на отчаянный шаг. Он публично обвинил меня в расправе над крестьянами. Он сделал это прямо на приёме у короля. Мастелид заявил, что я устраиваю самосуд по любому поводу. Он даже предъявил всем письменные доказательства – свидетельства крестьян, и даже некий дневник, где моим почерком вёл учёт загубленным душам. А души эти, хоть и мои, но всё же принадлежат королю. Хорад всегда с особым трепетом относится к жизням крестьян. Для короля правило «вассал моего вассала не мой вассал» не распространяется на тех, кто работает на земле. Для него челядь не просто ломовая кобыла королевства, но само по себе королевство. Как бы странно это ни звучало, но силу державы он видит не в рыцарстве, а в крестьянах.

– Даже до Дербен докатилось это модное поветрие, – поёжился Гвадемальд. – Новый взгляд на благородство, выраженное в снисхождении к черни! Тьфу! Я так вам скажу, господин рыцарь – такие идеи проповедуют те, кто к благородству не имеет никакого отношения. За исключением, конечно же, вашего короля Хорада и моего короля Девандина. Их благородство не подлежит никаким сомнениям. Возможно, эти новые идеи для них всего лишь один из способов познать свой внутренний мир; эдакая игра? Самовыражение?

– Не многие разделяют взгляды наших королей. Я тоже не понимаю, почему король Хорад, да здравствует он многие лета, питает такую нежность к черни. Однако, я остаюсь его верным вассалом. Насколько это возможно в моей ситуации.

– Вы благородный человек, господин Ломпатри. Но скажите, как же господин Мастелид раздобыл все эти дневники и доказательства?

– Отловил нескольких обиженных бедолаг, которых я наказал. Скорее всего, заплатил им, чтобы те рассказали всё писарю и поставили крестики на бумагах, вместо подписей. А вот дневник с моим почерком он подделал хорошо. И сколько же он дал тому искуснику, который так верно подметил мою манеру письма!

– Неужели вы ничего не предприняли?

– Я не успел, – махнул рукой Ломпатри, и кинул на тарелку обглоданную кость рябчика. – Меня назвали Бичом Кормящих. Король пришёл в ярость и немедленно лишил владений. Прямо в своих палатах во время пиршества он объявил об этом гостям. А на утро назначил ритуал лишения рыцарского достоинства. К счастью, стражи, что вели меня в палаты под арест – в острог меня, как рыцаря, бросить невозможно – оказались честными людьми. Они понимали, что Мастелида раздражает зависть, а разум короля Хорада застилает гнев. Благодаря страже я покинул замок. Ночью из стольного града Анарона меня и след простыл. С того злополучного дня я и скитаюсь по Троецарствию, зарабатывая на хлеб грязной работой и отловом сказочных существ.

– Много поймали? – спросил рыцарь птицы Сирина.

– Я побывал в разных королевствах и часто сдавал пойманных мною бедолаг страже. Но ни один из тех стариков или карликов не был сказочным существом. По крайней мере, я ничего сказочного в них не заметил.

– Подземные твари! – рявкнул Гвадемальд и стукнул кулаком по столу так, что тарелки и кубки разом подпрыгнули. – Провались всё пропадом! Моя провинция кровью истекает, а я сострадаю вам больше, чем своей отчизне! Как же мне гадко от этого; ведь ваши лишения бессмысленны!

– Прошу прощения за то, что заставил вас переживать именно сейчас, когда у вас так много проблем, – сказал Ломпатри, подымаясь. – Теперь я не вправе задерживаться у вас в гостях: мне самому не по себе от мысли, что я порчу вам настроение.

– Не смейте уходить! – закричал Гвадемальд и тоже встал. Он расстегнул свой жилет, нащупал на шее толстую золотую цепочку и извлёк из-под одежд крупный медальон, толстый, как котлета, украшенный алыми драгоценными камнями и тонкой росписью.

– Я рыцарь Троецарствия, – сказал Гвадемальд, подойдя к Ломпатри, – Вы также носите золотой медальон – символ чести, благородства и верности традициям наших земель. Медальон остался при вас несмотря на трудности, которые вы испытали. Говорят, что благородство не передаётся по наследству. Так вот, я скажу больше: никакой королевский приказ не может отменить благородства! Вы были рыцарем, вы им и остались. Король Хорад известен своей вспыльчивостью: он нередко в сердцах наламывал дров. Я даже представляю, сколько раз он уже пожалел о том, что обошёлся с вами подобным образом.

Он положил руки на плечи Ломпатри.

– Мой рассудок в тумане, господин рыцарь, – грустно заметил Гвадемальд. – Иногда на меня находит такая кручина и злость, что достаётся всем вокруг. Двенадцать лет торчать в этой дыре! Сядьте! Хотя я и не имею на это права, но я вам приказываю: сядьте! Не смейте уходить вот так!

Ломпатри хлопнул Гвадеамальда по рукам выше локтей, вздохнул и снова сел за стол.

– Вот и отлично! Вот и правильно! – обрадовался Гвадемальд, сел рядом с Ломпатри и стал подкладывать ему в тарелку ещё варёной репы и наливать в кубок эля. – Прошу вас, как своего друга, господин Ломпатри – не сердчайте на короля Хорада. Я управляю захудалой провинцией каких-то двенадцать лет, а уже растерял своё природное спокойствие. Чего же говорить о королях, которые от рождения королевствами владеют, да ещё и без перерывов! Каких только приказов они не отдавали в запале! Господин Ломпатри, опомнитесь ваш сюзерен! А теперь, когда я знаю, что вы пережили, расскажите, куда же вы держите путь. Дербены – опасны, а я смогу дать верный совет.

– В Дербенах я скрываюсь от вирфалийского правосудия, – спокойно сказал Ломпатри.

– Скрываетесь? – удивился Гвадемальд и замер, не донеся до тарелки гостя тёплого, сочного рябчика, которого он держал голой рукой. Пока Гвадемальд приходил в себя от неожиданного признания Ломпатри, скатерть под его рукой, сжимавшей жареную тушку, пропиталась жиром.

– Раз уж вы так добры, – продолжил Ломпатри, забрав у хозяина шатра рябчика, чтобы жир больше не капал, – я не стану скрывать всей правды. Меня, скорее всего, разыскивают за убийство. Не скажу точно, но, по-видимому, именно меня сейчас обвиняют в том, что вассал вашего короля Девандина – господин рыцарь Гастий – безвременно покинул нас. Но я даю вам благородное слово рыцаря – смерть Гастия не моих рук дело. Хотя, я не отрицаю, что сыграл в этой истории не последнюю роль.

– Что же, – задумчиво произнёс Гвадемальд, потупив взгляд. Он плюнул на полотенце и стал тереть скатерть в том месте, куда накапал жир. – Гастий не отличался особой учтивостью и изысканностью манер. Он всегда считал, что хорошая родословная обеспечит ему доброе имя при любом раскладе.

Гвадемальд перестал тереть жировое пятно. Его затея с плевком и полотенцем только навредила: теперь скатерть зияла большой тёмной блямбой. Рыцарь отбросил полотенце в стору и снова посмотрел Ломпатри в глаза.

– А знаете, – вымолвил он, – я ничего не хочу знать о вашей встрече с рыцарем Гастием. Но заверю вас, что Девандин будет в ярости, когда узнает, что вы, рыцарь соседнего королевства, имеете к этому отношение. Возможно, он даже объявит войну Атарии: он у нас тоже вспыльчивый. Вам непременно стоит покинуть Вирфалию. Дербены – самая подходящая для этого провинция: мы тут на краю света, да и власти здесь практически нет. Через несколько дней вы можете добраться до гор Чнед, перейдя которые, обретёте относительную свободу на

Сивых Верещатниках. Только идти через Перевал Синего Вереска я вам не советую: там в моём форте уже обосновались разбойники и кое-кто похуже.

– Да, да, форт со странным названием «Врата», – проговорил Ломпатри, припоминая карту, найденную Закичем.

Гвадемальд поднял глаза, задумавшись о чём-то, а потом выпалил:

– Лучше прямо отсюда на полночь и чуть правее забирайте. По другую сторону озера Аин начинается Амелинская Пуца. Вот уж где вас точно искать не станут.

– Я знаю, что невиновен, поэтому убежать не буду, – ответил Ломпатри, закончив трапезу и вытирая жирные пальцы о льняное полотенце. – Я хочу переждать несколько недель, чтобы все немного успокоились. После, я готов предстать перед вашим королём с объяснениями. Лучше немного выждать. Король Девандин справедлив, но он король. Как и наш, он любит рубить с плеча.

– Вздор! – отмахнулся Гвадемальд, улыбаясь. – Нет более «рассудительного» короля, чем Девандин!

– Да, наш король Хорад просто ребёнок по сравнению с Девандином, – засмеялся Ломпатри. – Это известно во всём Троецарствии.

Рыцари залились смехом. Естественно, спор этот оказался не более чем шуткой. Ведь и Девандин и Хорад были обычными королями со своими плюсами и минусами. Их полагалось почитать и уважать. Однако, по негласному правилу, рыцари иногда перебирали косточки своим владыкам. Конечно же, только в шутку. Само собой, ни один король не позволил бы шутить своим вассалам по поводу тех решений, которые он принял. Когда же дело касалось характера, то Девандин и Хорад смотрели на это сквозь пальцы. Такая свобода дорого доставалась рыцарям и простолюдинам: короли Троецарствия и соседних земель правили ежовыми рукавицами. Но, несмотря на всю строгость правления и суровость законов тех времён, королевства терзали голод, междоусобицы, нищета и продажность.

Ломпатри и Гвадемальд закончили спор на весёлой ноте и выпили ещё по кубку эля.

– Коль бы вы оставались действующим рыцарем Атарии, то ни один страж не смел бы вас задержать по подозрению в убийстве, – сказал Гвадемальд. – Всё дело направили бы через вашего сюзерена. И знаете, ввиду ситуации, ваш Хорад непременно договорился бы с Девандином. Новая война между нашими землями сейчас никому не нужна.

– Здесь я с вами согласен. Мы и от прошлой ещё не оклемались.

– Эх, как жаль, что вы более не рыцарь, – вздохнул Гвадемальд и о чём-то задумался.

– Да и от Старой Войны раны не все зажили, – добавил Ломпатри.

С минуту они молчали, а потом Ломпатри спросил:

– Как вы потеряли форт?

Но Гвадемальд в ответ лишь посмотрел на Ломпатри каким-то странным взглядом, который старый воевода посчитал угрожающим. Такой взгляд на него обычно кидали пойманные во время войны шпионы, которых ждала неминуемая казнь.

– Позвольте, – воскликнул вдруг рыцарь птицы Сирий, притворившись, будто Ломпатри ничего и не спрашивал, – неужели до ваших краёв не дошли слухи о Дербенском Сколе?

– Возможно, и дошли, но, признаюсь, я не интересовался подобными вещами, – ответил Ломпатри, решив забыть о своём вопросе. – До того, как я отправился в своё «путешествие», я предпочитал держаться в стороне от всего, что можно назвать сказочным.

– Как я вас понимаю, – сказал Гвадемальд и наполнил кубки новой порцией эля. – Дворцовые интриги и политика – вот единственные недостатки людей. Все эти сожжения волшебников и охота на гномов просто несусветная чушь.

Он выпил. Ломпатри лишь посмотрел на эль, но не осушил кубка.

– Простите меня, – пробубнил Гвадемальд, – Наверняка вам неприятно говорить об этом. Учитывая ваш личный опыт.

– Не стоит, господин рыцарь, – отмахнулся Ломпатри. – В большинстве своём повешенные за волшебство – отпетые негодяи. Я бы никогда не отвёл на казнь порядочного человека.

– Скажите, – зашептал Гвадемальд и присел ближе к гостю, – этот странный человек в вашей повозке, он один из негодяев?

– Негодяев? – удивился Ломпатри.

– Солдаты перешёптывались при мне, мол, путешествует с вами некто, совсем непохожий на человека. Когда я увидел вас в первый раз, признаюсь, не обратил должного внимания на ваших спутников. Или же он на самом деле сказочное существо? Прозвучит дико, но, если это так, мне кажется, он может мне сильно помочь.

– Да, он не человек, – сказал Ломпатри. – Это нуониэль. Несколько недель назад я и сам не слышал о таких. Но как же, позвольте, он может вам помочь?

– Видите ли, я только и думаю, что об этом Сколе. От него пошли все наши напасти. Да, я считаю, что зло породили простые люди, свернувшие на кривую дорожку. И всё же корень невзгод – Скол. Он сломал наш народ. Эти выдуманные богатства, что скрываются в его недрах, вскружили людям голову. Вот маги склонны полагать, что Сколы – это тоже своего рода волшебство. Учение жрецов говорит о том, что наш мир – это огромный шар, летающий в бездне мрака. А никаких камней, гор и сколов вне нашего шара быть просто не может. А они есть. Кому из них верить!?

– Верить жрецам или магам – это личное дело каждого, – со всей серьёзностью заявил Ломпатри.

– Я не призываю вас верить магам. Я считаю, что если Скол – волшебство, то сказочное существо гораздо лучше способно понять его природу, нежели люди.

– Думаете, между моим нуониэлем и Дербенским Сколом существует невидимая связь? – спросил Ломпатри. – Такие рассуждения смешны.

– Понимаю, – с грустью в голосе ответил Гвадемальд. – Но я надеюсь, что ваш нуониэль сможет пролить свет на некоторые особенности этого явления. Вдруг в его земле тоже падали такие огромные экземпляры? Я в отчаянии, господин Ломпатри! Пытаюсь найти выход из ситуации и уповаю на всякие несуразности. Я как деревенская баба, бегущая к знахарке за приворотным зельем; готов поверить во что угодно, лишь бы положение наладилось.

– Ну что же, я могу познакомить вас с господином нуониэлем, – с расстановкой заявил Ломпатри. – Это существо я уважаю как равное себе, несмотря на его тусветность: оно спасло мне жизнь. Однако надеяться на то, что от него будет много толку, я бы не стал. Нуониэль ранен и лишь пару дней назад стал сносно держаться на ногах. Его горло пронзила стрела, и я ещё не слышал, чтобы он вымолвил хоть слово. К тому же, после ранения у него случился провал в памяти. Но если вы настаиваете...

– Стрела в горле! – удивился Гвадемальд. – Если он выжил после такого, то он и впрямь сказочный!

Гвадемальд послал своего солдата за Воськой, которому предстояло привести нуониэля. Некоторое время рыцари просидели одни. Они испили ещё эля. Захмелевший Гвадемальд распорядился добавить масла в каганцы и забрать со стола грязную посуду.

Нуониэль ступил в шатёр, посмотрел на Гвадемальда, скинул с головы капюшон и поклонился. Рыцарь увидел в этом поклоне не рабское приветствие, а знак уважения от равного себе по чести. Нуониэль, видимо, только что закончил принимать ванны – он выглядел чистым и свежим. Длинные веточки лиственницы, аккуратно забранные назад и подвязанные, ниспадали толстыми, прямыми линиями. Желтеющие травинки на месте бровей и бороды аккуратно острижены. Одет он был в свой чистый запасной зелёный плащ. На плечах красовалась лисья шкура, а вокруг шеи белел свежий льняной бинт. Гвадемальд медленно поднялся из-за стола и в изумлении открыл рот. Он подошёл к нуониэлю, вежливо поклонился в ответ и, взяв его под руку, повёл к столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.